

[Polaris]

В. Н. Гартевельд

*Среди сыпучих
песков и отрубленных
голов*

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

XLIX

Salamandra P.V.V.

В. Н. Гартевельд

**СРЕДИ СЫПУЧИХ ПЕСКОВ
И ОТРУБЛЕННЫХ ГОЛОВ**

Путевые очерки Туркестана
(1913)

Salamandra P.V.V.

Гартевельд В. Н.

Среди сыпучих песков и отрубленных голов: Путевые очерки Туркестана (1913). – Б.м.: Salamandra P.V.V., 2014. – 128 с., илл. – (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. XLIX).

Шведско-русский композитор и собиратель каторжных и тюремных песен В. Н. Гартевельд был неутомимым, наблюдательным и ехидным путешественником, объездившим всю Россию. В этой книге он рассказывает о своем путешествии в Туркестан в 1913 г. Книга иллюстрирована фотографиями Туркестана начала XX века.

В. Н. Гартевельдъ.

**СРЕДИ СЫПУЧИХЪ ПЕСКОВЪ
И
ОТРУБЛЕННЫХЪ ГОЛОВЪ**

**ПУТЕВЫЕ ОЧЕРКИ ТУРКЕСТАНА
(1913).**

**Изд. I. А. Маевского.
МОСКВА.**

**СРЕДИ СЫПУЧИХ ПЕСКОВ
И ОТРУБЛЕННЫХ ГОЛОВ**

В. Т. КОРОЛЕНКО

*в знак почитания и признательности
посвящает свой скромный труд*

Автор.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Зловеще молчаливо тянутся бесконечные желтые пустыни Туркестана!

Возьми песок в руки и гляди...

Он красноват....

Текинцы говорят: «От крови!»

Все может быть...

Ведь вся история Туркестана, от древних времен, написана кровью...

А народные песни, легенды и сказки о подвигах ее «героев» — Тамерлана, Чингис-Хана, Камбиза и других, только и говорят о крови и об отрубленных головах...

Главный палач востока — Железный Хромец-Тамерлан, сложивший башню из семидесяти тысяч отрубленных голов.

И текинцы правы:

Земля покраснела...

Да, это край сыпучих песков и отрубленных голов...

Счастливы мы, дети двадцатого века!

Но еще счастливее будут наши потомки!

Кровь проливать не будут!

Земле за них краснеть не придется....

I.

От Москвы до Асхабада.

Если правда то, что «все дороги ведут в Рим», то невольно позавидуешь «вечному городу».

Такое чувство зависти должно быть особенно интенсивно у обитателей Закаспийского края, ибо к ним ведут лишь два пути, причем оба представляют собой много неудобств и мытарств.

Первый путь из Москвы — это путь через Самару-Оренбург-Ташкент. Я говорю «первый», потому что, несмотря на шестисуточное пребывание в вагоне, он самый популярный.

Второй, но тем не менее более остроумный способ проехать и попасть в Закаспийский край, это ехать через Баку на Красноводск (морем) и затем дальше по Средне-Азиатской железной дороге — куда глаза глядят.

Этот второй путь представляет собой больше разнообразия и, следовательно, не так утомителен и занимает меньше времени, чем первый.

Я отправился из Москвы (по второму способу) прямо в Асхабад.

Прибыв рано утром в Баку, мне пришлось целый день ждать парохода, отходившего в Красноводск через Каспийское море лишь в 8 часов вечера.

Из Москвы я выехал в лютый мороз зимнего дня, а в Баку очутился при великолепной, чисто весенней погоде. В садике около вокзала даже кое-какие растения были в цвету.

Мне и раньше приходилось бывать в Баку, так что все его достопримечательности, как «Черный Город», Эй-Бибат, г-н Тагиев и проч. я уже видел.

И потому, выпив на вокзале кофе (который, по неисследованным наукой причинам, отдавал немного нефтью),

я поехал прямо на пристань, где, в ожидании прибытия парохода, сдал на хранение свои вещи.

(Позволю себе мимоходом заметить, что открытие секрета тех элементов, из которых буфетчик на вокзалах российских железных дорог prepares кофе, дало бы исследователю-химику всемирную славу и открыло бы, наверное, новое, если не питательное, то во всяком случае неизвестное до сих пор вещество.)

Располагая свободным временем, я пошел немного побродить по улицам Баку.

Погода, как я сказал, была чудесная, теплая. Солнце, небо и даже сами бакинцы и бакинки — в изобилии сияющие по улицам — сияли. Солнце и небо сияли, конечно, рог амора, но бакинцы — едва ли спроста. Вероятно, какие-нибудь нефтяные или другие «бумаги» поднялись, ибо других причин для сияния у бакинцев быть не может.

Станный город Баку! Сколько раз я там ни был, но впечатление всегда получалось одинаковое: будто город существует временно и люди в нем, как будто, временно пришлые, стремящиеся сорвать более или менее солидный куш и удрать.... Да оно, пожалуй, так и есть! Город грязный, нечистоплотный, несмотря на кажущуюся роскошь и красоту некоторых улиц и зданий. Он напоминает известного рода «дам», скрывающих под роскошным платьем от Ворта грязные лохмотья белья. Рядом с безумным швырянием (для чего в Баку существует несколько кафе-шантанов) легко нажитых денег, рабочие в «Черном Городе» и других нефтяных промыслах владят жалкое и, порой, голодное существование. Но таков удел всех городов с большой промышленной жизнью. Колоссальные нефтяные богатства бакинского района, конечно, и создают те суровые местные законы жизни, в силу которых физиономии у одних сияют, а у других тускнеют...

Исторических памятников в Баку, разумеется, нет. «Историй» бывает масса (как, например, укажу на историю г. Тагиева), но они скоро забываются и следов не оставляют, разве только в виде полицейских или судебных протоколов.

Баку. Черный Город.

Но все-таки один-то «исторический» памятник имеется в Баку, хотя и не местный, а иностранный. Я говорю о яхте персидского шаха «Персеполис». С этой яхтой, действительно, была «история». Когда в Персии началось брожение среди младоперсов, и экс-шах Магомет-Али почувствовал начало конца, то в один прекрасный день, или верне ночь, из Энзели отправили потихоньку в Россию гордость персидского флота — «Персеполис». Судно это служить единственным представителем персидского морского могущества, и является одновременно дедушкой и внуком персидского флота. Внутри оно отделано роскошно. Что же касается его вооружения, то оно состоит из двух сигнальных пушек крошечного калибра, а мореходные его качества таковы, что в Баку его привели на буксире. Тамошние моряки рассказывали мне, что судно это недавно должно было продаваться за какие-то долги... Sic transit, вообще, gloria mundi и в частности «gloria» Персии.

В пять часов вечера, наконец, пришел давно жданный мною пароход, и я немедленно перебрался на него со своим скарбом и занял довольно сносную каюту I класса.

Пароходство на Каспийском море забрало в свои руки общество «Кавказ и Меркурий», которое и является в этом отношении царем и богом.

Существует здесь, правда, еще и другое общество — «Восточное»; но у последнего почти вся деятельность сосредоточивается на грузовом движении и, в силу этого, пассажирские рейсы монополизированы всецело первым обществом. Таким образом, публика волей-неволей попадает в цепкие лапы «Кавказа и Меркурия», для которого пассажиры являются лишь живым грузом и с которым оно очень мало церемонится. За минимальные удобства общество взимает максимальный, даже чудовищный, тариф. И у меня невольно возбудилось воспоминание о днях детства, когда я захлебывался от восторга, читая повести Майн-Рида и Купера о подвигах морских разбойников и пиратов. Так что о-во «Кавказ и Меркурий» является, в некотором роде, осколком исчезнувшей средневековой романтики...

Название парохода, на котором я собирался переплыть Каспийское море, также отдавало поэзией. Имя его было — «Дуэль». Причина такого названия не лишена курьеза.

Жил-был в Баку некий нефтепромышленник Доуель (Dowel), кажется, англичанин. Когда в один прекрасный день мистер Доуель прогорел, о-во «Кавказ и Меркурий» купило у него грузовой пароход и, переделав его в пассажирский, назвало «Дуэлью», должно быть, желая почтить этим память прежнего владельца.

У общества имеются очень приличные пароходы («Скобелев» «Куропаткин» и др.), но я-то попал на «Дуэль», самый плохой из всех. Тем не менее, общество взимает за перевоз пассажира I класса из Баку до Красноводска, без продовольствия — 15 целковых! Это за 14-ти часовой переезд! Между тем, тот же «Кавказ и Меркурий» на Волге или Черном море за точно такую же сумму таскает вас трое суток, да еще на пароходах с современным комфортом.

Пароход же «Дуэль» представлял собой последнее слово техники... 17-го столетия!

Когда позднее, в Коканде, я встретился с моим старым знакомым А. А. Спиро (ныне инспектор о-ва «Кавказ и Меркурий» в Средней Азии), то, конечно, высказал ему все то, о чем делюсь теперь с вами. На это он, улыбаясь, ответил,

что у общества на Каспии монополия... Перед таким аргументом всякие претензии немеют...

В восемь часов вечера «Дуэль» снялась с якоря и вышла в море. С палубы парохода невольно залюбуешься видом на Баку. Масса огней создает почти феерическую картину и точно подтверждает сходство Баку с ночной красавицей, больше заботящейся о нарядах, чем о чистоплотности. Скоро город скрылся из виду, и я сошел в столовую, дабы поужинать, заранее решив, что в этой стране икры и рыбы изведано всласть того и другого. Но увя...

Ни рыбы, ни икры на пароходе не оказалось...

Объяснили мне это очень просто: тем, что фирма Лианозова, арендующая все рыболовные промыслы на Каспийском море, уже за месяц вперед продает и всю икру и весь улов рыбы в Москву, Петербург, а преимущественно за границу.

Злобствуя на почтенных гг. Лианозовых, я ел на Каспийском море «венский шницель» в то время, когда какой-нибудь венед уничтожал ту порцию икры, на которую я возлагал свои упования. И с душой, полной обманутых надежд, я пошел спать в свою каюту, где и проснулся утром, услышав в коридоре разговор о том, что Красноводск уже на виду.

И, действительно, одевшись и выйдя на палубу, я в блеске утреннего солнца увидел на расстоянии 6-8 верст от парохода восточный берег Каспийского моря, а на нем маленький, уездный городок Закаспийской области — Красноводск. Пароход уже шел до Красноводскому заливу, защищенному самой природой от морской волны. По обеим сторонам залива тянулись отмели с расположенными на них рыбачьими поселками, а кругом, по воде и по воздуху, реяли в неимоверном количестве какие-то черные птицы. Я сначала принял их за черных чаек, но оказалось, что это род морских уток, по-местному «качкалдак».

Они съедобны и, говорят, очень вкусны.

Между тем, пароход подходил к пристани. Виднелось здание вокзала Средне-Азиатской ж. д., с его голубой кры-

шей и, через несколько минут, я сошел с трапа парохода на пристань.

Красноводск. Базарная площадь и порт

Матрос вынес мои вещи вслед за мною и, поставив их на пристань, ушел. Вдруг какой-то человек, невероятно грязный и оборванный, восточного типа, подскочил и, молча схватив мои чемоданы, убежал неведомо куда. Сначала я хотел броситься за ним в погоню, но, видя, что другие пассажиры к аналогичным инцидентам относятся совершенно хладнокровно, решил, что, по всей вероятности, на вокзале я найду и похитителя, и похищенное, и по примеру других пассажиров отправился туда пешком, благо пристань и вокзал стоят рядом.

Но здесь меня поразило явление, которое я, объехавший всю Россию, Сибирь, Кавказ и Финляндию, никогда еще не наблюдал.

У выхода с пристани стоял полицейский чиновник с несколькими городскими и спрашивал у всех прибывших паспорта, точно пароход пришел из-за границы. По странной случайности или, может быть, прочтя в моих глазах

полную благонамеренность, блюститель порядка пропустил меня без требования казенного ярлыка. На мой вопрос о причинах такого удивительного распоряжения, он ответил: «Начальство так велело».

А «начальство», встреченное мною на вокзале, сказало, что проверка паспортов на пристани производится на том основании, что «с Кавказа часто сюда переселяются беглые и всякий сброд, да и иностранцы могут незаконно проникнуть в Закаспийскую область, пребывание в которой им не разрешено».

Почему беглые, сброд и иностранцы здесь уравниены в правах — он мне не объяснить...

Но, однако, похитителя моих вещей на вокзале не оказалось, и я мысленно решил, что он или «беглый сброд», или иностранец! И только через полчаса увидел я его, уныло сидящего на моих чемоданах около перрона. Когда я его спросил, почему же он без моего разрешения потащил вещи на вокзал, быть может, я хотел остаться в Красноводске, он с сильным кавказским акцентом ответил мне:

«Что ты, душа мой! Чего тибэ тут делать? Поишай с Богом!»

Признавая вполне правильность его взгляда и взяв от него свои вещи, я вошел в зал буфета, где около общего стола сидело несколько приезжих, а также кое-кто из железнодорожных служащих.

Пили утренний чай и кофе, и разговор вертелся, конечно, около чумы, недавно вспыхнувшей близ Мерва. По правде сказать, прочитавши в газетах, перед своим отъездом из Москвы, о появившейся в мервском районе эпидемии легочной чумы, я сначала призадумался, ехать или не ехать мне в Закаспийский край? Но, в конце концов, по свойственному людям легкомыслию, — поехал.

И потому я с огромным интересом прислушивался к разговору за общим столом.

Спорили и, конечно, горячились. Одни утверждали, что в мервском уезде была настоящая чума, другие говорили, что никакой чумы не было и передавали следующую вер-

сию, очень распространенную в Закаспийском крае, о недавней чуме:

Текинцы для отравы лисиц разбросали по степи несколько лепешек, начиненных стрихнином. Какой-то легкомысленный верблюд поел этих лепешек и, разумеется, околел; а кое-кто из бродячих туркмен, в свою очередь, полакомились верблюдом и отдали Богу душу. Вот будто и вся чума!

Спорили и галдели долго и много, но сошлись единогласно в том, что «карантин в Мерве на днях будет снят» и что, во всяком случае, можно спокойно доехать до Асхабада.

В конце стола сидел какой-то молчаливый и угрюмый субъект в папаше, с белым башлыком вокруг шеи, и пил кофе.

Вдруг он ударил кулаком по столу и воскликнул:

«Все это вздор, господа! Дело в том, что, во всяком случае, можно спокойно... а потом тому же лицу надо было, чтоб она исчезла. Тут политика, а не чума! Подавись я этим стаканом, если это не так!»

С этими словами он залпом выпил свой кофе

С тайной тревогой следил я за последствием его поступка, но он спокойно встал и, не подавившись, ушел...

Очевидно, в его словах была доля правды...

И, как мне потом везде рассказывали, была большая политика и маленькая чума...

До отхода поезда оставалось еще достаточно времени и, пользуясь этим, я пошел бродить по городу.

Красноводск — главный город уезда, и в нем, конечно, живет уездный начальник. Город расположен у самого берега Красноводского залива — самого лучшего для стоянки судов по всему Каспийскому побережью.

Растительности почти никакой не имеется и город беден питьевой водой.

Всю резиденцию г-на уездного начальника, имеющую всего семь тысяч жителей, можно обойти в полчаса, и в течение этого времени вы интересного ровно ничего не увидите.

Исторического прошлого город не имеет, если не считать высадки отряда Столетова и закладки им укрепления в 1869 году.

Имеются две православные церкви, шиитская мечеть и караван-сарай для хивинских грузов.

Вокруг города бродит по ночам масса шакалов, зачастую исполняющих обязанности санитаров — убирая и поедаая отбросы.

Красноводск. Общий вид

Красноводск, несомненно, имеет большую будущность, ибо транзитная торговля уже и теперь огромна. Ведь через Красноводск идут все товары, ввозимые и вывозимые из Закаспийского края.

Недалеко от города, на горе Куба-Даг находится так называемое «Гипсовое Ущелье», где производится ломка замечательного по своим качествам гипса трех сортов: белого, зеленого и розового.

Остров Челекен отстоит верст на 50 к югу от Красноводска. Попасть туда можно только на туркменской лодке

и то в хорошую погоду, так как залив в высшей степени капризен и внезапно налетавшая буря часто причиняет серьезные аварии. На острове добывают превосходную нефть, озокерит и асфальт (кира). Развитию промышленности Челекена много препятствует трудность сообщения с островом (доставка грузов). Туркмены за провоз туда пассажира запрашивают истинно царское вознаграждение.

О. Челекен. Аул Карагол

На обратном пути к вокзалу я зашел в городской сад, где какой-то красноводский гражданин с гордостью показал мне пять чахлах деревьев и фонтан, по размерам напоминающий комнатный аквариум.

Правда, при отсутствии в городе воды и такой «фонтан» является роскошью, и в угоду гордому красноводцу я выразил массу удивления и восхищения, причем в разговоре нашел возможным упомянуть о версальских фонтанах....

Во всяком случае, мы расстались довольными друг другом, и он даже проводил меня на вокзал.

В час дня, наконец, ушел на Асхабад поезд Средне-Азиатской ж. д., и я очутился в вагоне II класса.

Войдя в него, я прямо-таки остолбенел: температура стояла такая, какая бывает лишь в хорошо натопленной бане, и вдобавок еще мне досталась «верхняя полка».

Пассажиры ругались без различия пола и состояния, но кондуктор заявил просто и ясно, что «во время зимнего движения по российским железным дорогам топить полагается».

Любопытно знать, какое может быть «зимнее движение» там, где нет зимы, например, в Закаспийской области?

Очевидно, циркуляр министерства путей сообщения уравнивает в климатическом отношении Сибирь и Асхабад.

Как бы то ни было, а пассажиры время от времени выходили на площадку вагона «отдышаться» и в результате, конечно, все по очереди схватывали основательную простуду.

А ночью, лежа на своей «верхней полке», мне снилось, будто я умер (неизвестно, от чумы или политики), и мое брэнное тело сжигают в крематории...

Картина пути от Красноводска до Асхабада представляет собой песчаную, однообразную и мертвую пустыню.

Даже кустарник саксаула (*Amodendron Haloxylon*) является здесь редкостью, несмотря на свои минимальные требования от природы. Хотя еще недавно тут были чуть ли не целые леса его, но все вырубili на топливо, и сейчас (и, конечно, на долгое время) здесь воцарилась «мерзость запустения». Смело можно назвать преступлением подобную вырубку саксаула там, где песчаная степь занимает пространство в 10.000.000 десятин (вплоть до Афганской границы).

Саксаул служит почти единственным топливом по всему Туркестану. Дерево это имеет удивительно уродливую форму и напоминает собою какие-то гигантские корни.

Оно серого цвета и растет извиваясь на песке, как змея.

А поезд все дальше и дальше уносит меня в глубь песчаной пустыни.

Спускались сумерки, и в окна вагона смотрела однообразная серая равнина, без зелени и без воды. Глядя на нее, делалось как-то жутко. Чувствовалось что-то зловещее.

И почти до самого Асхабада продолжался этот пустынный ужас.

И в стоне ветра, свободно бушующего вокруг, чудилась мольба: Воды! Дайте воды!

Вода.

В этом слове для Туркестана все: и радость, и горе, и отчаяние, и надежда.

Отсутствие почвенных вод и атмосферных осадков налагает почти трагический отпечаток на три четверти края.

И туркмены могут сказать: «Земля наша велика и обильна, но воды в ней нет».

И если в Европейской России крестьяне стонут «земли, земли, дайте нам земли», то туркмены в свою очередь жаждут только одного — воды....

Для иллюстрации безводья достаточно сказать, что от Красноводска до Асхабада (520 верст) вода для всех надобностей (питья, мытья и для паровозов) развозится по линии железной дороги в огромных деревянных красного цвета баках на подвижных платформах. При этом она ужасного вкуса и желтоватого цвета.

Работ по ирригации (искусственному орошению) от Красноводска до Асхабада почти совершенно не производится, да и почва здесь, как я уже упомянул выше, безнадежна. Но и дальше Асхабада, там, где почва не оставляет желать ничего лучшего, работы эти находятся в зачаточном состоянии, отчасти по отсутствию материальных средств, отчасти по инертности населения и свойственному мусульманам фаталистическому миросозерцанию.

Один старый текинец рассказывал мне следующие подробности о создании Аллахом Туркестана:

Премудрый Аллах первоначально сотворил землю и все живое на ней очень удачно и справедливо. Планомерность была полная, и земли и воды было всюду вдоволь. Все живущее имело все, что нужно. Но, заботясь преимущественно о добре, Аллах забыл о злом начале. И вскоре перед оча-

ми всемогущего предстал злой Шайтан и заявил, что у него нет постоянного местожительства, и просил Аллаха отвести ему таковое. Создатель подумал и указал Дьяволу на недра земли, как более или менее удобное для него обиталище. К несчастью для туркмен, подземный приют Шайтана пришелся как раз под Туркестаном.

В довершение всего, Шайтан не сидел у себя покойно и стал частенько выходить из отведенного ему жилища и смущать правоверных. Тогда Аллах присудил его, так сказать, к одиночному заключению на 3000 лет, и запер со всеми злыми духами в его подземном царстве, а ключи от этой гигантской темницы вручил ангелу.

Дьявол употребляет невероятные усилия, чтобы вырваться из этой темницы, отчего в Туркестане и происходят часто землетрясения, а от его, вызванного этими усилиями, тяжелого, огненного дыхания, высохла в Туркестане вся вода....

Такова текинская легенда!

Правдивые объяснения и исследования гг. ученых геологов, конечно, стоят за иные причины туркестанского безводья; но с наивной текинской сказкой их научные работы имеют одно общее:

Они делу не помогают!

Пока в Туркестане не появятся люди «американской складки» с капиталами и энергией, да не начнут приводить в порядок их ирригационную систему, Шайтан еще немало посмеется, а туркмен немало поплачет.

Размышляя обо всем этом, я заметил, что температура в вагоне-бане (если существуют вагон-салоны, вагон-ли, вагон-рестораны, то почему бы не быть вагон-банным?) становилась все более и более невыносимой, и я решил перед сном оправиться в вагон-столовую, во-первых, — чтобы поужинать, а, главное, в надежде найти более подходящую атмосферу для человеческого организма.

Вагон-столовая на Средне-Азиатской ж. д., конечно, не имеет ничего общего с роскошным вагон-рестораном международного общества европейских поездов.

Здесь это просто товарный вагон, выкрашенный внутри масляной краской и, вообще, переделанный в классный вагон из багажного. Вдоль стенок расположены столики, а на потолке висят две керосиновые лампы, вот и все.

Но и на том спасибо!

В столовой никого не было, но когда я взялся за колокольчик, стоявший передо мною на столике, явился человек, при взгляде на которого я невольно пожалел, что не захватил с собою револьвера.

Это был какой-то кавказец гигантского роста и невероятно свирепого вида.

Но на деле он оказался очень милым и услужливым, и сразу предложил мне покушать чахлом-били (кавказское блюдо, приготовляемое из курицы и зелени). Боясь оскорбить его национальное чувство и косясь на кинжал, висевший у него на поясе, я поспешно согласился на все и, немного погодя, уже отдавал дань выбору кавказского националиста.

Обеденный стол украшали вазы с огромными, красными, «верненскими» яблоками. Яблоки эти (из города Верного) очень популярны во всем Туркестане и, действительно, весьма недурны...

Зато яблоки и груши местных садов прямо-таки ужасны. По твердости и вкусу они мало чем отличаются от сырого картофеля. (Исключение составляет один Ташкент.)

Только что я окончил свою трапезу, как услышал возглас кондуктора: — «Геок-Тепе!»

Удивительная ирония истории!

Там, где 12 января 1881 года (еще так недавно) гремели орудия, где текинцы с возгласами «Аллах, Аллах», а русские с криками «ура» кромсали и убивали друг друга, сегодня подслеповатый кондуктор (из крестьян Костромской губ.) равнодушно провозглашает — «Геок-Тепе!»

Я глубоко пожалел, что поезд остановился в Геок-Тепе ночью, да и то ненадолго. Но, тем не менее, я, конечно, вышел из вагона и осмотрел все, что мог.

Знаменитая крепость, которую текинцы так героически защищали, расположена немного ниже Геок-Тепе и называлась тогда Денгил-Кала.

Сам Геок-Тепе представляет собою большой холм. От него начинается так называемый Ахал-Текинский оазис, и кончается хоть на время ужасная песчаная пустыня.

Около самой железнодорожной станции Геок-Тепе находится богато обставленный музей, в котором хранится масса исторических предметов, рисунков и документов, относящихся к штурму и взятию последнего оплота текинского народа.

Геок-Тепе

Немного странное впечатление производит снаружи само здание, так как оно построено не в русском и не в туркменском стиле, а в... греческом.

Если многое в музее свидетельствует о выносливости русских солдат и об умелых распоряжениях Скобелева, Ку-

ропаткина и др., то и для побежденных он представляет собою храм славы. И многие из старых закаспийцев (участников взятия Геок-Тепе), которых я потом встречал в Асхабаде, рассказывали мне чудеса о храбрости текинцев, и все они с изумлением отдают дань достоинствам своих противников.

И теперь (спустя 35 лет), в отношениях русских и текинцев всегда заметно взаимное уважение друг к другу.

Но об этом мне придется говорить более подробно в следующей главе.

Пока могу сказать, что Геок-Тепе для текинцев является священным, и в их сказаниях и народных песнях его эпопея занимает одно из первых мест.

Впоследствии мне пришлось познакомиться с знаменитой между туркменами «Песнью о взятии Геок-Тепе».

Песня эта не только интересна в бытовом значении текста, но и очень красива по своему напеву. Пели мне ее текинцы в ауле Каши близ Асхабада. Текст ее первоначально был записан покойным муллою Аннаком (аул Кипчак), а русский перевод сделан А. Семеновым при содействии г. Ахмет-Бека-Эфендиева (переводчика при начальнике Закаспийской области).

Напев же этой песни, с аккомпанементом туркменских музыкальных инструментов, записан мною.

Приведу здесь слова этой во всех отношениях замечательной песни:

К нам пришли неверные стройными рядами
Из пушек, ружей яростно стреляя.
Уж двадцать лет, как это было.
Здесь и там сломила сила силу.
И Бог, защита наша, увы! оставил нас.
И рекой пролилась наша кровь.
Врагов увидя, улетела сила духа:
И конем оседланным сраженный

В прахе пал Боец-Баран¹.
Огнем спалили крепость нашу,
И силы, храбрости не стало у мужей.
С народом вместе уничтожена мечеть,
И с «Ходма-Сеидом», древним витязем
В разлуке вечной стал «Теке»²
У гор разбросанные кочевья,
Веселье свадеб наших,
Ковры, постели, конские сбруи
И из белых кошм кибитки,
Серебро и золото нарядов женских,
Все разбито было, все взято,
И стал ограбленным беспомощный «Теке».
И навек детей от взрослых разлучили.
Подвели подкоп «неверные», крепость пала
И, плена избегая, бежали мы в пустыню,
Под каждым кустиком травы степной,
Оставляя трупы павших,
Которых было сотня тысяч;
И лишь немного пленных избежали смерти рук.
За ними грабить нас спешили шииты и сунниты,
Красных девушек и женщин похищая.
Гранаты, бомбы нас врывали в землю,
И руки, ноги лежали всюду по степи.
Кто сына оплакивал, кто дочь,
И все друг с другом разлучились.

¹ Поэтическое олицетворение русских под именем «Барана-Бойца» (КОР) встречается в других памятниках народного творчества туркмен (*Здесь и далее постраничные прим. авт.*).

² Племя «Ходма-Сеид» считает себя выходцами из Аравии и потомками аравийского пророка. Среди различных туркменских племен, населяющих Закаспийскую область, это племя составляет как бы духовную касту, и текинцы (да и прочие туркменские племена также) никогда не вступают в кровное родство с представителями этого племени, равно также и последние никогда не вступают в браки с женщинами других племен и родов.

«Не упрекай меня во лжи» — певец сказал;
«На холме Геок-Тепинском кровь пролитая
Тому свидетелем, что пел я.
В мире жалким пленником стал Теке,
И имя доброе его бесславым стало».

Утром, в шесть часов, я был в Асхабаде.

II.

Асхабад.

Итак, я очутился в Асхабаде.

Шутка сказать — Асхабад! От персидской границы рукой подать...

Остановился я в «Гранд-Отеле», который считается лучшей гостиницей в городе. И, по справедливости надо сказать, что эта гостиница, даже в Москве, имела бы свой «*gai-son d'etre*».

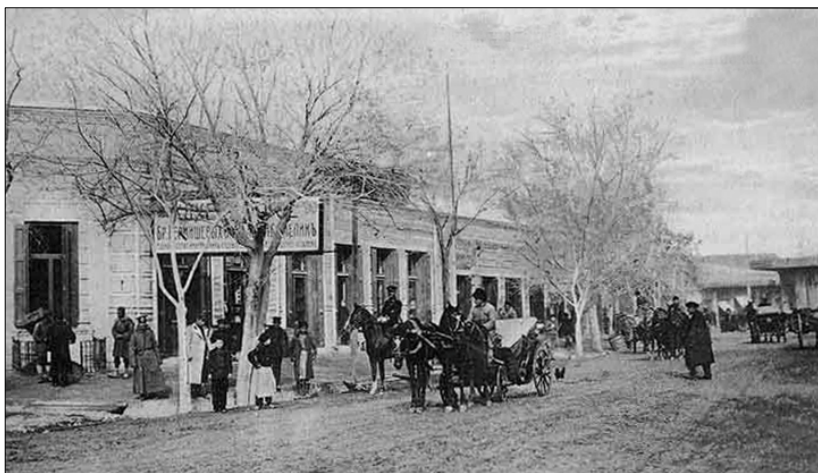
Чисто, уютно и не слишком дорого. Зато питание оставляет желать многого, и обеды не всегда съедобны.

Кроме того, мой временный приют в Асхабаде имел один недостаток, общий всем гостиницам Туркестана.

Дело в том, что зима (приехал я на Рождество) здесь очень мягка и напоминает хорошую осень в европейской России. Но ночи холодны, и в гостинице печей почти не топят. Кроме того, постройки сооружаются, принимая во внимание частые землетрясения; иначе говоря, все дома строятся налегке (обязательно одноэтажные), так что холодный ночной ветер (степной или горный), благодаря щелям, свободно разгуливает по комнатам, и поэтому советую всем, едущим в Туркестан зимою, запастись парой теплых одеял.

В Асхабаде я прожил около двух недель (от Рождества до половины января) и за это время, конечно, более или менее основательно с ним ознакомился. Прежде всего, спешу заметить, что старая, настоящая текинская столица — Асхабад, лежит в пятнадцати верстах от нынешнего, русского Асхабада, и представляет собою в настоящее время самый заурядный текинский аул. Город же Асхабад, центр Закаспийской области и резиденция начальника края, основан русскими в 1882 году. В нем находятся все отделы областного управления, как-то: управление Средне-Азиатской железной дороги, окружной суд, отделение Государст-

венного банка, таможня, казначейство, акцизное управление и т. п. Имеется женская гимназия, мужская прогимназия, железнодорожное техническое училище, Куропаткинская школа садоводства, воскресные школы, детский приют, церковно-приходская школа и баханнское училище бабистов. Существует закаспийское общество любителей охоты, общество врачей и музыкальное общество. Наконец, в городе имеется пять православных церквей, лютеранский молитвенный дом, две мечети и синагога.

Асхабад. Ул. Кирпичная

Издается газета «Асхабад». Другая (старейшая газета края «Закаспийское обозрение») недавно закрылась.

На меня Асхабад произвел сначала странное и, должен признаться, неожиданное впечатление.

Здесь, в Средней Азии, в городе, так близко отстоящем от Персии, я уже ожидал встретить яркий и сказочный Восток.

Ничего или очень мало подобного представляет собой Асхабад в этом отношении. Конечно, объясняется это тем, что город, в сущности, является лишь огромным русским поселком.

Только богатая растительность и караваны верблюдов, встречающиеся на улицах, да текинцы верхом на осликах или лошадях заставляют вас помнить, что вы находитесь не в Рязани или Калуге. А грандиозные горные вершины, окружающие Асхабад, то утопающие в тумане, то сверкающие в лучах солнца, дают вам возможность забыть о благословенных русских губернских городах. Но воспоминание о Рязани и Калуге окончательно исчезло, когда в первый день Рождества я вышел погулять на залитые солнцем улицы, в летнем пальто...

Асхабад. Скобелевская площадь

Но при этом должен сказать, что я, немало пошатавшийся по белу свету, еще не встречал места в климатическом отношении более капризного, чем Асхабад.

И если благословенную Рязань и Калугу можно сравнить со старым, уравновешенным мужем-чиновником (хотя и геморроидальным), то Асхабад похож на молодого любовника-ветрогона, который изменяет вам каждый день.

Летом здесь стоит такая жара, от которой, по выражению моего асхабадского знакомого, «мозг сохнет и глаза

лопаются», а зимою с гор часто налетает снежная буря совершенно неожиданно-негаданно.

Так, например, утром в семь часов, в день Крещения (6-го января), я, при чисто летней погоде, пил кофе у открытого окна, а через пять часов (в полдень), я смотрел на Скобелевской площади крещенский парад — и вся площадь, публика и солдаты были покрыты снегом...

На следующее утро опять настало лето.

Слово «Асхабад» — персидское, и в русском переводе означает «приятное место». Однако, думаю, что увлекающийся сын знойного Ирана не без пристрастия дал городу такое название.

Судите сами!

Изменчивый климат располагает, конечно, к всевозможным простудным болезням. Недостаток воды не позволяет производить поливку улиц и специфическая едкая пыль создает массу глазных болезней (преимущественно трахому). Эпидемии тифа, скарлатины, оспы и кори почти всегда чувствуют себя в Асхабаде как дома. Солнечный удар летом такое же обычное явление, как насморк в европейской России, а болотная лихорадка (малярия) имеет здесь свою штаб-квартиру.

Затем, Асхабад является одним из рассадников ужасной и характерной для Закаспийской области болезни.

Я говорю о «пендинной язве», по местному — «пашахурда». Она впервые была обнаружена в Пендинском приставстве и отсюда получила название «пендинки». Язва эта кожная, и ее бывает от одной до ста на различных частях тела. Она причиняет сильные боли, и по выздоровлении оставляет ужасные рубцы.

Болезнь эта поражает кого угодно без различия возраста, пола и состояния.

Истинная причина заболеваемости пендинкой еще не найдена, и радикального лекарства также не открыто. Длится болезнь от 4 месяцев до 1 года и, так же внезапно, как приходит, так неожиданно и исчезает.

Прямо жалко иной раз видеть молодую, миловидную девушку, лицо которой изуродовано пендинными рубцами.

И это называется «приятное место»!!!

Если переименован Дерпт в Юрьев, Маргелан в Скобелев, следовало бы переименовать и Асхабад, ну хотя бы в — Смертоношу (ведь есть же — Золотоноша) .

Единственным воспоминанием о владычестве текинцев в Асхабаде остались посредине города развалины вала бывшего текинского укрепления. Но все это тонет в общем рязанском колорите.

Тем не менее, в Туркестане Асхабад величают, и не без основания, «Закаспийским Парижем», и местные аборигены с понятной гордостью повторяют это название.

И должен сказать: веселятся в Асхабаде вовсю!

Для этого имеется здесь три клуба: военное собрание, клуб велосипедистов и общественное собрание. Кроме того, есть цирк с театральной сценой, а рестораны все до единого носят чисто кафе-шантанный характер. Прибавлю еще, что почти все гостиницы в городе, кроме разве «Гранд-Отеля», имеют характер приютов временной любви...

Вполне фешенебельным местом, где собирается высшее асхабадское общество, является военное собрание.

Не надо забывать, что в Асхабаде сосредоточено огромное количество войска, с массой прикомандированных сюда офицеров всех родов оружия, до гвардейских полков включительно. Прекрасные туалеты дам и блестящие мундиры гвардейских офицеров на вечерах и в военном собрании легко переносят вас, хотя на время, к берегам Невы, а в мою бытность в Асхабаде, в велосипедном клубе функционировала даже русская оперная труппа. Чего же еще надо?

Население в Асхабаде по национальностям чрезвычайно пестро.

В процентном отношении русские составляют 35%, персы 32% и армяне 19%. Кроме того, много греков, кавказцев, молокан; последние все до одного извозчики. Сами текинцы в городе почти совсем не живут, а населяют окрестные аулы. По утрам, на своих осликах, они привозят в

город зелень, молоко и уже к полудню возвращаются обратно в свои аулы. Иностранцев почти нет, так как им не разрешено пребывание в Туркестане.

Зато нашла здесь покровительство и приют мусульманская секта бабистов, и в русском Асхабаде бабисты, несомненно, являются самым интересным элементом населения.

В отношении работы человеческой мысли, скованной мертвой буквой ислама, особенное внимание заслуживают последователи мусульманской секты бабистов.

Основателем и учредителем этой секты был перс из Шираза — Мухамед-Али. В середине прошлого столетия он возбудил в Персии всеобщее внимание своим благочестием и нравственной чистотой своей жизни.

Он отыскал новый смысл в словах Корана и в старых арабских религиозных преданиях.

В конце концов, он создал новое религиозное учение ислама и назвал себя «Баби», т.е. ворота, так как, по его убеждению, он своим учением открывал новый путь к познанию Бога и Правды.

Мухамед-Али — это в некотором роде мусульманский Лютер, а его последователи — протестанты, почти порвавшие связь с шариатом.

Главные догмы его учения заключаются в следующем:

Бог — единый, вечный источник жизни.

Так как Бог есть добро, то его творения могут быть только добрыми.

Зло есть нечто временное, преходящее и всегда поддающееся исправлению.

Государство, по теории Мухамеда-Али, должно в принципе быть социал-демократическим с теократическим управлением.

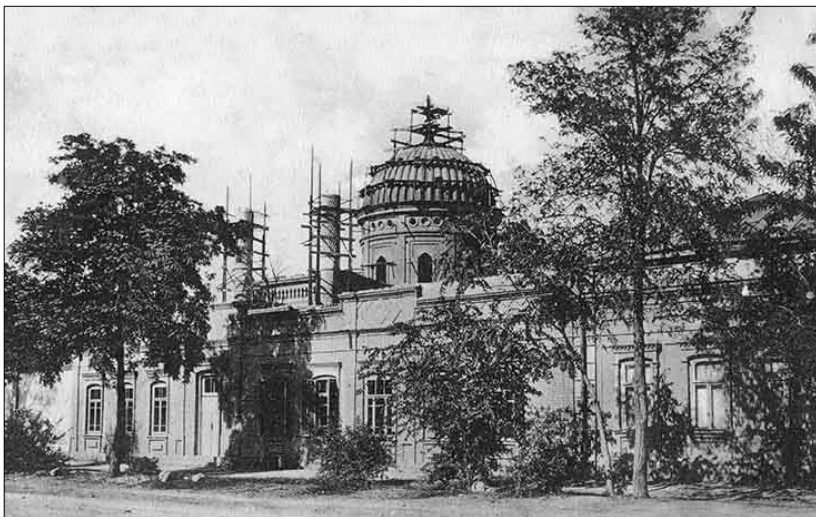
Он совершенно отрицает налоги, и бюджет его государства составляется всецело из добровольных пожертвований.

Все люди избавляются от исполнения обрядов, так связывающих мусульман, и даже обязательный пятикратный намаз (моление), установленный Кораном — отменяется.

Женщина свободна и ее чадра упраздняется.

Бабисты обещают своим последователям воскресение из мертвых, путем переселения душ.

При всем этом царит полная: терпимость к чужим религиям, и всякому бабисту предоставляется изучать все, что только он считает согласным с законом нравственности.

Мечеть бабистов в Асхабаде

И часто можно видеть в руках бабиста книгу с наилучшим переводом Виктора Гюго, Тургенева и других европейских писателей.

Персидское правительство сначала терпело эту секту. Но скоро в черной и невежественной массе народа, да и у представителей шиитской церкви, возник протест против нового веяния.

У мусульманских священников это было, конечно, «*jalousie de metier*».

В конце концов, персидское правительство предприняло против бабистов репрессии, что и повело к волнениям.

В 1849 году Мухамед-Али был расстрелян, а среди его последователей персидские власти учинили жестокое кро-

вопролитие. Тогда большая часть бабистов бежала из Персии в Россию, где к ним относятся, по крайней мере, равнодушно.

Несомненно одно, что мусульманскому миру придется еще считаться с этим учением и, весьма возможно, что в ветхое тело ислама только бабизм способен влить новые, жизненные соки; а если Персия с ее наукой и поэзией способна еще к возрождению, то это чудо совершат бабисты.

Школа их в Асхабаде находится почти в центре города. Я был прямо поражен любезностью начальника этой школы — Ахмета-Верди, когда безо всякой рекомендации явился к нему, просто в качестве любознательного иностранца.

Ахмет-Верди говорил со мною на очень плохом русском языке, но обнаружил довольно основательные познания во французском и английском. Что касается его наружности, то редко я видел такого красивого, величественного старца (лет 70).

Высокий, с длинными волосами и бородой почти совершенно белого цвета, он в моем воображении воскресил образ древнего пророка. При этом пара черных и добродушно смеющихся глаз сияла молодостью.

Он прежде всего угостил меня кофе с превосходным вином (бабистами вино не запрещается).

Беседовали мы с ним решительно обо всем — о разных религиях, о политике, об искусстве Востока и везде у него сквозила черта полной незлобивости и любви ко всему живущему.

Только тогда, когда разговор слегка коснулся экс-шаха персидского, Мухамеда-Али, в глазах старца что-то блеснуло, но сейчас же он успокоился и с улыбкой заметил:

— Не стоит говорить о таких людях.

Когда, прощаясь с ним, я выразил мое глубокое сочувствие бабизму, он, горячо пожав мою руку, сказал: «Все бабисты хорошие люди и все хорошие люди бабисты».

После секты и школы бабистов, самое интересное, что найдется в Асхабаде, это — областная случная конюшня.

При содействии любезнейшего из асхабадцев, полковника Ф. Е. Еремеева, я имел возможность осмотреть эту

конюшню, причем заведующий ею штаб-ротмистр г. Мазан сопровождал меня лично и давал подробные объяснения.

Да будет мне здесь дозволено сказать несколько слов о красе и гордости лошадиного мира, о текинской лошади.

Существует две породы местных лошадей — ахальская и иомудская. Ахальская, или ахал-текинская лошадь встречается теперь, как редкость. И это вполне понятно.

Во времена прежних «аламанов» (разбойничьих набегов), часто совершаемых в Персию, текинцы нуждались в прекрасных и, во всех отношениях, идеальных лошадях. Теперь же, сделавшись мирными скотоводами и земледельцами, они совсем не занимаются коневодством и, в результате, ахальская порода почти исчезла.

Обе породы туркменских лошадей происходят от арабского коня. Приближаясь по экстерьеру к последнему, иомудская лошадь отличается от него большим ростом и мясистостью и меньшей сухостью, грива и хвост довольно густы. Ахальская же лошадь очень схожа по экстерьеру с английской чистокровной скаковой, и гривы почти не имеет.

Я не «лошадник», и отношусь довольно равнодушно к лошадям; но должен сознаться, что я никогда не видал и даже не предполагал о возможности существования лошадей такой красоты, какой увидел в асхабадской конюшне.

Что ни лошадь — то поэма...

Конюшня имеет около 60 денников и содержится великолепно, несмотря на то, что субсидии от правительства не имеет. Цель этой конюшни заключается в том, чтобы путем скрещивания пород спасти текинскую лошадь от вымирания.

Можно было бы, конечно, устроить подобный завод и в европейской России, но текинская лошадь имеет один недостаток: — кроме туркестанского, другого климата она не переносит и по выводе ее в Россию скоро погибает.

Во всяком случае жаль, что вымирает порода лошадей, делавшая, по персидским рассказам, во время «аламанов» 150 верст галопом, без отдыха....

III.

В гостях у текинцев.

В Асхабаде я возымел привычку рано вставать и, сидя у окна да попивая свой кофе, любил наблюдать за текинцами, которые, верхом на осликах, привозили в город из своих аулов молоко и зелень.

Времена меняются!

Закаспийская область. Продажа молока

Странно видеть текинца, бывшего «аламана» (разбойника), «степного орла», сидящего не на гордом коне, а на смирном ослике, и везущего не военную добычу, плоды побед, а просто лук и морковь — плоды мирного труда. И приходится констатировать, что туркмены, вообще, теперь утратили свои характерные признаки свободного кочевника.

Народ этот постепенно переходит к оседлой жизни и делается уже оседлым скотоводом и земледельцем.

Туркмены населяют степи Бухары, Хивы, Персии, Афганистана и русского Туркестана, причем общая их численность достигает 500.000 человек.

Делятся они на семь племен: иомуды, гоклены, чаудуры, салоры, ерсары, сарыки и текинцы.

Племена эти между собою почти не смешиваются.

Самым одаренным, сильным и, я бы сказал, симпатичным племенем надо признать текинцев.

Они занимают Мервский, Ахалский и Атекский оазисы Закаспийской области.

Сколько я ни видел текинцев — все они были высокого роста, несколько сухощавы, темноволосы. Выражение темных глаз всегда веселое, приветливое и часто немного лукавое.

В пище текинцы неприхотливы. Плов с бараньим мясом лучшее и любимое блюдо. А в обыденной жизни текинец довольствуется лепешкой, да кашей из джугари с кунжутным маслом.

Одеваются текинцы почти все одинаково. Разница только в качестве материй — ситца или шелка.

Носит он рубаху и шаровары, а сверху надевает халат (чанак). На голове, зимой и летом, высокая баранья шапка.

Текинские женщины, «tout comme chez nous», страстно любят всякие украшения и погремушки и носят ручные и ножные браслеты. Поверх своего черного балахона они надевают какие-то шарфы, и шарфы эти унизаны серебряными монетами в огромном количестве.

Я не раз удивлялся выносливости этих красавиц, носящих на своих плечах подобную тяжесть; но, вероятно, пословица «своя ноша шеи не давит» находит отклик и у текинцев.

Женщина у туркмен самой природой поставлена в счастливое положение.

Дело в том, что текинцы являются одним из редких народов, у которых замечается сильный перевес мужского

пола над женским. И почти 27% мужчин, волею судеб, осуждены на целомудренную жизнь'.

Вследствие этого, калым (выкуп за невесту) достигает до 1500 рублей, не считая подарков ее родителям одеждой и скотом. Внебрачное же сожителство у текинцев вещь неслыханная и сурово наказуется смертью или, в лучшем случае, изгнанием виновных.

Текинки

В прежние времена текинец руководился мудрым изречением: «je prend mon bien, ou je le trouve», и совершал аламань (разбойничьи набеги) на Персию, откуда и увозил девушек и, таким образом, восстанавливал нарушенное природой равновесие. Но теперь, конечно, эти набеги остались лишь в народных песнях, а нынешний молодой текинец мирно возит в Асхабад на своем ослике лук и молоко, пока

не накопит суммы, достаточной для того, чтобы внести калым и обзавестись собственной кибиткой.

Благодаря всему этому, положение текинской женщины можно назвать привилегированным и она, являясь полновластной хозяйкой кибитки, пользуется у них большим уважением.

Общественных прав она, конечно, не имеет никаких, и в общество посторонних мужчин не показывается; но во многих других отношениях, она пользуется свободой, начиная хотя бы с того, что бессмысленного и глупого покрывала она не носит.

Хотя, говоря по правде, 50% текинских женщин, в их же собственных интересах, не мешало бы закрывать чем-нибудь свои лица, ибо таких некрасивых физиономий редко где можно встретить. Насколько симпатичны, статны и, прямо-таки красивы мужчины-текинцы, настолько их женщины большею частью имеют отталкивающий вид. Цвет их лица какой-то желтый, причем длинные носы и острые черты создают что-то птичье. Старые текинки по своей внешности дают правдивый тип — образ Гарпии...

Многоженство у текинцев разрешается, но более одной жены, много двух, редко можно встретить.

Много красивых, я бы даже сказал, рыцарских черт проявляется у текинца. Он до самозабвения гостеприимен, честен, правдив и болезненно самолюбив. Кроме того, он в высшей степени горд. В его отношениях к русским нет ни тени унижения или подхалимства, столь свойственного сартам.

Да и между богатыми и бедными текинцами не замечается преимущества с одной и раболепства с другой стороны.

Один туземец сказал мне:

«Мы теперь народ без головы, и потому всякий текинец сам себе голова».

Все недоразумения между членами аула ведает народный суд, который руководствуется каулетом (закон о нравственности, издревле установленный, согласно народным обычаям).

Народными судьями выбираются лучшие люди, и решение их бесповоротно.

К религиозным вопросам текинцев относится удивительно индифферентно, и постановления шариата для него почти пустой звук. У них даже нет официального духовенства; имам, руководящий намазом, во время намазов не является представителем Аллаха, он только заведует обрядовой стороной моления и, в случае его отсутствия, может быть заменен любым из молящихся, знающим порядок богослужения (молитвословия).

Чтоб узнать текинцев, конечно, недостаточно наблюдать их из окна асхабадской гостиницы, и потому я с радостью и благодарностью принял предложение любезного полковника Ф. Еремеева посетить текинцев в их ауле Каши, верстах в десяти от Асхабада.

И вот, 3-го января 1913 года, в три часа дня, полковник заехал за мной вместе с текинцем-переводчиком. В своем мундире туркменской милиции он так и просился на картинку.

Два извозчика-молокана обещали доставить нас в аул и обратно в целости и, заехав за одной русской дамой, г-жой М., мы отправились в путь.

Впереди ехал полковник с переводчиком, а вслед за ним я с нашей спутницей. Скоро мы выехали из города в степь. Растительности кругом почти никакой. Все ближе и ближе придвигались к нам горы, окружающие Асхабад, а у подножия этих гор и лежал большой аул Каши — цель нашей поездки.

Он состоял из множества довольно просторных и прочно устроенных куполообразных юрт или, как здесь их называют, кибиток, а кругом всего аула тянулась невысокая глиняная стена.

Подъехав ближе, мы услышали лай собак, и при въезде в самый аул, подверглись свирепому нападению штук 40-50 огромных, невероятно зверского вида псов. Эти большущие, покрытые грязно-белой шерстью сторожа употребляли невероятные усилия, чтобы как-нибудь да растерзать нас и бежали рядом по стене, стараясь прыгнуть в наш экипаж.

Собаки все время неистово лаяли, мы орали на них, спутница наша визжала и, в общем, нельзя было сказать, чтобы наш въезд в аул носил торжественный характер.

Аул близ Асхабада

Но вот появилось несколько маленьких текинских ребят. К нашему удивлению, они без особого труда разогнали псов и, что поразительнее всего, собаки исчезли на все время нашего пребывания в ауле, так что мы их больше и не видели.

Миновав несколько улиц, мы издали еще заметили массу людей на открытой площадке и подъехали прямо туда.

Оказалось, что это была устроенная нам встреча.

Тут был старшина аула, почетные и богатые старики — так сказать, сливки общества; а жители победнее, если можно так выразиться, простокваша — стояли в сторонке, отдельной группой. Кроме того, была масса детей.

Все были одеты по-праздничному.

По свойственной людям подлой привычке втираться в высшее общество мы, выйдя из экипажей, направились сначала к группе «верхних 10000».

Старшина приветствовал нас речью, в которой выразил радость по случаю нашего приезда.

В свою очередь, мы, через переводчика, благодарили за ласковый прием (о собаках умолчали!).

Вслед за тем, мы обратили наше благосклонное внимание на обыкновенных текинских смертных и, наконец, подошли к группе детей. Но тут, при взгляде на них, мы сперва ужаснулись, а потом невольно отвернулись: почти все дети имели на лице следы каких-то ужасных язв, не то волчанки, не то проказы, а красные глаза почти у всех гноились.

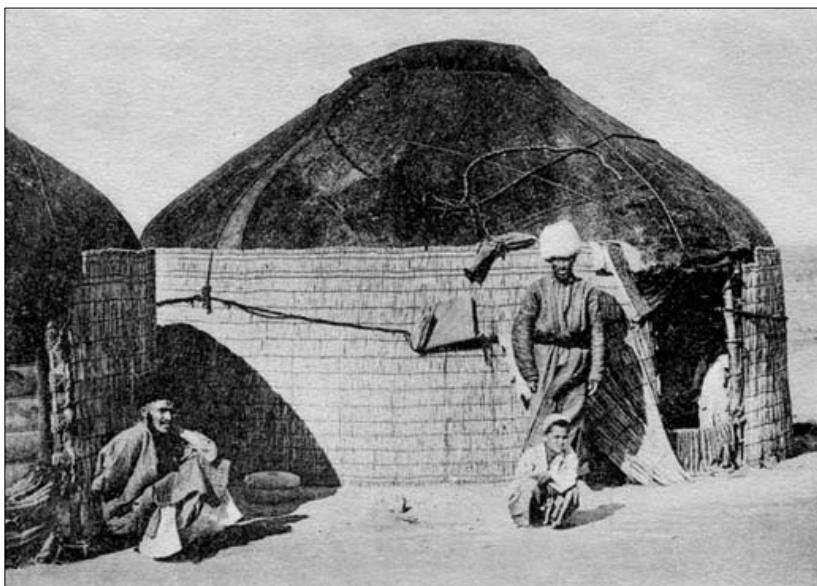
Меня это крайне удивило, ибо окружающие нас текинцы, как мужчины, так и женщины, дышали, казалось, здоровьем. Из чувства деликатности, мы ничего не расспрашивали. Впоследствии популярный асхабадский врач г. Крамник объяснил мне, что у текинцев существует масса специально детских кожных болезней, но проходящих без следа, и что трахома глаз очень распространена между туземными детьми и является результатом нечистоплотности их матерей.

После того, как мы с величайшим интересом осмотрели текинцев, а они нас, мы вошли в кибитку старшины Магомет-Верди-Кульгерды, где (как выражаются благонамеренные люди) и «изволили иметь пребывание».

Кибитка была очень просторна, и хотя с нами вместе вошло еще человек двадцать почетных текинцев, тесноты все-таки не было.

(Женщины, дети и «народ» остались снаружи, на площадке.) Старшиной, разумеется, был один из более состоятельных текинцев, и кибитка его, как я уже сказал, была большая и богата убранная. Середину ее занимал очаг, вокруг которого весь пол, т. е. земля была устлана великолепными коврами. Вдоль стен тянулись диваны из больших шелковых подушек, а на стенах висело оружие и разная домашняя утварь.

В этой кибитке жил сам старшина, а жены его (счетом две) и дети помещались в другой, соседней кибитке, обстановка которой была много беднее.

Текинские кибитки

Старшина предложил нам сесть, но для нас (по крайней мере, для меня) это легче было сказать, чем исполнить. Сидеть по восточному, на манер портных, для европейца очень трудно, а усесться на корточки, как сидят по целым часам текинцы, под силу разве одним индийским факирам. Я же, к сожалению, не портной и не факир, и от такого сидения у меня ноги немеют. Как бы то ни было, мы все уселись вокруг очага на коврах, но, немного погодя, я спросил себе подушку и на все остальное время устроил себе ложе, на манер древнего римлянина, на коем и «возлежал», что было несравненно удобнее.

Когда все наше общество разместилось, сейчас же вышли четыре-пять человек музыкантов со своими инструментами и уселись играть. У них были длинные бамбуковые флейты — «теудук» и струнные инструменты (наподобие маленькой мандолины с очень длинным грифом) — «хамбра».

Ни на одну минуту они не прерывали своей игры, и, во все время нашего пребывания в кибитке, угощали нас музыкой.

Но музыка эта нисколько не мешала беседе. Она была очень тиха, как вообще музыка у текинцев и, казалось, неслась откуда-то издалека...

Лишь только мы уселись и музыканты заиграли, нам подали зеленый цветочный чай, очень крепкий и ароматный. Наливали его в маленькие чашечки. Чашечки эти в большом ходу во всем Туркестане. Они без ручек и называются *пиалы*. Благодаря отсутствию ручки, я все время обжигал себе руки.

К чаю подали очень вкусных, горячих лепешек. Кроме того, все время обносили гостей курительным прибором — *чильм*.

Дело в том, что текинцы курят не так, как мы. Наших папирос, трубок и сигар они не знают. *Чильм* представляет собой довольно большой и громоздкий кувшинообразный прибор (вроде турецкого кальяна), дым из которого вытягивается курящими через воду. Текинец, затянувшись разок из чильма, передает его соседу, или же отставляет к стороне, где подкладывается под него новая порция горячих углей.

Беседа, благодаря тому, что пришлось говорить через переводчика, шла вяло. Мы только все время выражали свое удовольствие, а текинцы улыбались и пожимали нам руки, причем глаза их под черными папахами выражали искреннюю сердечность и радость.

В конце концов, в двух огромных мисках принесли плов из риса, баранины и курицы. Вокруг одной из них уселись текинцы, а около другой — мы. Плов был удивительно вкусен, а рис совершенно бел и поразительно рассыпчат. Я, конечно, не знаю секрета приготовления риса текинских хозяек, но говорят, что он довольно сложен. Во всяком случае, тут есть чему учиться нашим метрдоателям.

Способ еды, однако же, немного портил наш аппетит: текинцы преспокойно вылавливали пальцами из общей

миски куски мяса и рис и отправляли добытое в рот. Но для нас они достали ложек.

Текинка

По окончании трапезы, я записал несколько мотивов у текинских музыкантов, и всей гурьбой мы вышли на площадку. Оттуда старшина повел нас в другую свою кибитку (женскую), где в парадных костюмах, все обвешанные серебряными украшениями и монетами, встретили нас обе его супруги. Каждая держала на руках ребенка. Одна из этих дам была уже старуха, а другая совсем молодая. Но обе были непозволительно некрасивы. Стояли они рядышком, посредине кибитки, и живо напомнили мне автоматические фигуры берлинского Паноптикума. Обе бессмысленно улы-

бались своими птичьими глазами, тихо качая на руках маленьких текинцев.

В одной из следующих кибиток мы увидели молодую и (я глазам своим не верил!), довольно миловидную текинку, трудившуюся над ковром. Работа эта очень нелегка и требует большого терпения. Недаром за девушку, умеющую работать ковры, платят самый большой выкуп.

При нашем обходе аула, нас сопровождали не только «сливки общества», но и вся огромная толпа, для которой мы, несомненно, представляли такой же интерес, как и она для нас.

При взгляде на эту толпу, я подумал: наверное, между ними не все ели плов, и (как пишут в поваренных книгах) «вольный дух» поднялся во мне. Я выразил желание осмотреть жилище кого-нибудь из самых бедных текинцев.

Толпа зашумела, загалдела и, смеясь, указала на одного из своих сограждан. И все мы отправились к нему.

Войдя в его кибитку, я был приятно поражен.

Не было, конечно, тех богатых ковров и шелковых подушек, что я видел у старшины, да и домашняя утварь была много проще. Но кибитка была такая же просторная и сделана из того же материала. Около очага сидела его жена с четырьмя мальчиками, и все они ели плов.

А старшина, через переводчика, сказал мне: «Алмех-Адлах побогаче меня — у него четыре сына, а у меня только два».

Я мысленно перенесся на секунду туда, где иные люди коротают свою жизнь, в особняках на Английских набережных, а другие, в то же время, терпят холод и голод в мусорных ямах городских окраин,

И в душе я искренне пожелал, пожелаю и теперь текинцам быть подальше от нашей хваленной цивилизации и условий быта передовых народов. Если б я был философом, я бы сказал: «Лучше есть плов пальцами, чем совсем его не иметь».

Мы еще осматривали загон для верблюдов и осликов и поглядели, как текинка пекла *чурек* (текинский хлеб из белой муки). Конусообразная печь устроена прямо в земле,

широким концом вниз. Она, конечно, из глины. На дне ее был разведен огонь, благодаря которому стенки печки нагреваются очень быстро. Текинка взяла кусок теста и ловким движением, я бы сказал, *пришлепнула* его к стенке, к которой оно и пристало. Скоро тесто начало румяниться. А когда оно готово, то его отлепляют от стенок...

Закаспийская область. Приготовление чурека

Но сумерки наступили и, предвидя долгий обратный путь, мы простились со всеми нашими любезными хозяевами.

И тут я потихоньку спросил полковника, не дать ли мне что-нибудь «беднейшему» Алмех-Адлаху. На это он заметил мне: «Как ни добр и сердечен текинец, но на подобное оскорбление он ответит вам ударом ятагана».

Храни и избави тебя от лукавого, славный текинский народ!

Сопровождаемые всей толпой и при приветственных ее криках, мы сели в экипажи и в 10 часов вечера были уже «дома», в Асхабаде.

IV.

Ковры, песни и сказки у текинцев.

Один благонамеренный россиянин как-то сказал:

«Важнее всего на свете каланча!»

А туркмен скажет:

«Важнее всего на свете ковер!»

А я, как беспристрастный иностранец, думаю (или, вернее сказать, дерзаю думать), что без каланчи Россия не погибла бы, тогда как туркмен без ковра прямо не жилец на этом свете. И в самом деле!

Туркмен, как и всякий туземец Туркестана, рождается, вырастает, учится, ест, спит и умирает — на ковре. Наши европейские стулья, диваны и кровати не знакомы туркмену. Все это у них заменяется коврами, на которые иногда кладут подушки.

И понятно, что с давних времен в Туркестане с особенной любовью относятся к ковровому производству, причем стараются делать ковры не только прочными и долговечными, но также изящными и красивыми.

Самые красивые, прочные и ценные ковры в Туркестане выделывают текинцы или, вернее сказать, текинки, ибо ковровое производство находится всецело в руках женщин. Текинская девушка должна обязательно выучиться и знать ткацкое искусство, ибо все ковры, которые она приносит, как приданое, в кибитку своего будущего мужа, она должна сделать собственными руками.

Способ и орудия для тканья у нее совсем примитивны, а работа очень кропотлива, и самая искусная ткачиха, в неделю, больше полутора квадратных аршинов соткать не может.

Цена на хороший текинский ковер на месте стоит довольно высокая, смотря, конечно, по размеру ковра; но более семи аршин ковер выделяется редко.

Узор ковра у каждого племени различный; текинцы употребляют самый древний рисунок, так называемый «салорская роза» (салор-гюл). Часто на их коврах встречается изображение священной Каабы.

Для производства ковров отбирается шерсть наилучшего качества, причем нитки ворса окрашиваются. Для этого текинцы всегда употребляют краски из Персии, Индии и Хивы. Только желтую краску они добывают на месте из сока растения «сарычоб».

Чтобы краска прочнее пристала, шерсть предварительно обрабатывают квасцами, бузгундшем или гранатной коркой.

Ковровый ткацкий станок, виденный мною в ауле Каши, состоял из четырех кольев, вбитых в землю. В эти кольца втыкаются две палки, на которые натягивается основа. Нитки основы, для того, чтобы они не сдвигались, примазывают к палкам разведенной глиной. Каждая ниточка ворса руками обвязывается вокруг соответствующих ниток основы и обрезается маленькими ножичками. Когда пройден, таким образом, целый ряд, между всеми нитями основы продевается нитка и притыкается железным гребнем. Как видите, способ самый примитивный. А между тем, текинские ковры по прочности и красоте не уступают персидским, причем особенно ценятся ковры старинной работы. Замечательные их коллекции находятся в Императорском Эрмитаже в Петербурге и в Британском музее в Лондоне. Из частных коллекций меня поразили великолепные экземпляры, виденные мною впоследствии у самаркандского адвоката г-на Болотина.

Поговорю теперь немного о песнях текинцев. В жизни текинцев музыка и пение играют почти такую же роль, как и ковры, а это кое-что значит.

Почти ни одно событие общественного или частного характера не обходится у них без музыки.

Текинец родится, женится и умирает, так сказать, «под музыку».

Дударчи (музыканты) и бахши (певцы) пользуются, особенно последние, большим почетом у своих соотечественни-

ков и наперерыв приглашаются на свадьбы, похороны, пиры и т. п. Вследствие этого выдающиеся бахши зарабатывают большие деньги (по-местному). Я имел возможность слышать в Асхабаде двух самых выдающихся народных певцов (местные Шаляпин и Собинов!).

Дело было так: асхабадский уездный начальник полковник Федор Андреевич Михайлов* предложил мне устроить в его квартире, специально для меня, музыкальный текинский вечер, чтобы дать мне возможность записать их песни.

По взаимному соглашению, мы назначили для своего сеанса вечер 5-го января и, пожаловав к нему около 6 часов вечера, я застал там уже в сборе несколько дам и мужчин из русского асхабадского общества, а также текинских певцов и музыкантов. Певцов было всего двое (Шаляпин и Собинов!) и музыкантов такое же количество.

Мы, европейцы, сели у стола с великолепно сервированным чаем. На этом же столе я разложил свою нотную бумагу для записи песен.

Оба текинских певца усадились по-восточному прямо на полу (на подушках) друг против друга. У каждого в руках было по струнному инструменту (всего с двумя шелковыми струнами, благодаря чему получается нежный и тихий звук). На этих инструментах они и аккомпанировали сами себе исполняемым песням.

А музыканты, с длинными бамбуковыми флейтами — *теудук*, поместились в другом конце зала, около стены. Во время пения музыканты отдыхали, а когда певцы смолкали, брались за теудуки музыканты. Так что получалась и вокальная и инструментальная музыка.

* Ф. А. Михайлов — один из просвещеннейших людей Закаспийской области, большой знаток местной жизни, составил превосходную книгу по этнографии края и как администратор является одним из тех, которые справедливым и сердечным отношением к туземцам укрепляют русское влияние в Туркестане.

Один из певцов был баритон, а другой тенор, лет по 30 каждый. Оба были удивительно красивы и статны в своих праздничных нарядах, т. е. в шелковых халатах и маленьких шелковых шапочках. Кроме них, присутствовало еще человек 5-6 текинцев, сопровождавших певцов, и надо было видеть, с каким почтением и уважением относились они к своим баянам и их песням.

Исполняемые песни почти все носили антифонный характер, т. е. были куплетной формы, причем певцы пели их, соблюдая очередь.

Рядом с ними, на полу, стояли пиалы (чайные чашки) с зеленым чаем, которым они себя время от времени подкрепляли.

Я могу смело сказать, что никогда не видал и не слышал артистов, певших с таким огромным подъемом и одушевлением, как эти два текинских барда... У тенора и без того было лицо пророка, а во время пения лицо это прямо-таки одухотворялось и оба, как баритон, так и тенор, несмотря на то, что сами себе аккомпанировали, сопровождали свое пение жестикуляцией. При этом был удивителен жест правой руки у тенора, такой жест, которым человек обыкновенно желает убедить другого в чем-либо.

Но всего поразительнее для меня была та тесситура голоса, которой держался все время тенор.

Такой колоссальной высоты звука мне никогда не приходилось слышать, причем звуки эта брались не микстом и не фальцетом, а прямо грудью.

После каждой песни к певцам подходил кто-нибудь из текинцев и вытирал их лица шелковым платком.

Пели они мне наиболее популярные, народные текинские песни, из которых я записал следующие: «Нар-Алачи» (песня о гранатовом дереве), «Дос-Магомет и Биби» (песня о девушке Биби и ее убийстве), «Гулма-Мет» и «Кул-Сейдах» (военные песни), «Кариба Шах-Сенем» (хивинская песня), «Хейбра и Хургана» (молодой муж) и «Ай-Джаман» (текинская песня).

Они все довольно разнохарактерны, особенно в ритмическом отношении. Во всяком случае, по своему мелоди-

ческому рисунку, они более разнообразны, чем песни кавказцев.

Темой для песни, большею частью, служат подвиги аламанов (разбойников), любовные похождения и военные события древних лет.

Музыканты на своих длинных флейтах (которые они держат совершенно прямо) играли стоя и, время от времени, не прерывая игры, делали какие-то странные поклоны то нам, то друг другу. Лица у них были серьезные и сосредоточенные.

Между прочим, они сыграли очень красивую свадебную песнь — «Курте-Гемми» (молодая невеста).

От всего, что я слышал, я получил огромное наслаждение, как слуховое, так и зрительное.

По окончании сеанса и после того, как я горячо поблагодарил текинских артистов, я сказал Ф. А. Михайлову: «Долг платежом красен. Текинцы поподчивали меня своей музыкой и, как вы думаете, Ф. А., не сыграть ли и мне что-нибудь на вашем рояле? Любопытно было бы знать, что они скажут на *нашу* музыку!»

Полковник горячо ухватился за эту мысль и все мы, здесь присутствовавшие, русские и текинцы, перешли в другую комнату, где стоял прекрасный рояль.

Я сел за инструмент и сыграл кое-что из произведений Грига, Шопена и Чайковского, а в заключение исполнил «Трепак» Рубинштейна.

Русские дамы и мужчины наговорили мне массу любезностей, много и долго меня благодарили, но главная моя публика, текинцы — увы — совсем не отозвались на произведения корифеев европейской музыки. Лица их выражали полнейшее равнодушие, а в особенно громких или бравурных местах они даже морщились.

Мне стало обидно за *нашу* музыку и, видя, что эти сыны природы совершенно не реагируют на нее, я решил угостить текинцев их собственной музыкой из только что записанных мною песен. И, сев за рояль, я сыграл им несколько мелодий.

Тут картина сразу изменилась. На лицах текинцев выразилось удивление и восторг. С радостными возгласами «Чау, чау!», они окружили меня и напряженно слушали.

И, таким образом, сделав уступку текинскому национализму, я добился того, что в конце концов мы остались довольны друг другом и, взаимно пожелав всего лучшего, мы простились с ними.

Не менее музыки и пения текинцы любят сказки.

И сказочник (часто странствующий дервиш) всегда находит в кибитке текинца радушный и почетный прием.

Любовь к сказкам, впрочем, свойственна всем народам Востока и особенно народам Туркестана, который с древних времен был ареной кровавых битв и разбойничьих набегов.

Да, кроме того, стихийные явления природы (землетрясения, сильные бури и т. п.) дают не мало пищи народной фантазии.

Героями текинских сказок являются большею частью аламаны (разбойники) и злые духи, мешающие и насмехающиеся над ними.

Хитрость и изворотливость — качества, играющие большую роль в их сказках.

Как образец, приведу вам здесь пересказ одной из лучших текинских сказок, слышанной мною от одного старого асхабадского туземца.

Сказка о Ядур-Хане.

(Хане-ослике).

Славен и велик был великолепный Ядур-Хан! Он властвовал над Салорами, Текинцами и Огузами по всей долине Аму-Дарьи и по всему Мерву.

То, что я хочу вам рассказать, произошло тысячи лет тому назад, но Аллах ведает, что уста мои не лгут и чисты, как воды горного ручья Хорасена!

Прозвище «великолепного» Ядур-Хан получил после того, как возвратился из похода против соседнего племени Беджне.

Селение и аул Беджне он во славу Аллаха предал огню, жителей убил, женщин и девушек обесчестил и с награбленным добром гордо возвратился в родной Анау. И приближенные его сейчас же, при всем народе провозгласили Ядур-Хана «великолепным» (Юж-Гют).

Не только с врагами, но и с своими подданными Ядур-Хан был грозен и суров. У него, между прочим, была страсть ко всяким развлечениям и зрелищам, а главное его удовольствие состояло в рубке голов попадавшихся ему навстречу людей. Эта ханская привычка создала в стране массу недовольных, но все эти люди молчали по той простой причине, что у них уже не было головы. А те, которые еще носили на плечах свои головы, уж и этим были довольны и потому тоже молчали. Наконец, стоило жителям только не попадаться Хану навстречу — и все обходилось по-хорошему. Оттого текинцы вылезали лишь по ночам из своих кибиток, когда знали, что «великолепный» Хан поживает сном праведным. И такая счастливая жизнь шла годы. Днем Хан в сопровождении двух молодцов-палачей из Фарсисстана рыскал по Мерву и Анау, а ночью его верные текинцы выходили дышать ароматом степных цветов и радовались, что они еще живы:.

Но верна текинская пословица: «И солнце когда-нибудь погаснет».

Все это кончилось чудесно и неожиданно!

В один прекрасный день, на базаре в Мерве появился таинственный дервиш, старый-престарый, и начал смущать добрых текинцев нехорошими словами. Он даже открыто порицал страсть Ядур-Хана к «развлечениям» и в своей дерзости дошел до того, что высказал предположение о том, что Аллах наделил текинцев головами не столько для развлечения Хана, сколько для их собственной надобности...

Услыхав от своих приближенных о такой неслыханной дерзости, Ядур-Хан задрожал справедливым гневом и приказал сейчас же представить старца пред свои грозные очи.

Телохранители Хана, тут же на базаре, немедля схватили дервиша и привели его связанного во дворец, где Хан, окруженный советниками и приближенными, встретил дерзкого преступника словами:

«Ты ли, собака, осмелился лаять на повелителя Мерва и Анау?»

«Ты ли учил, бродяга, народ на базаре, что у них голова собственная?» и, обратясь к стоявшему поблизости главному сборщику податей Абдул-Гази, Хан спросил его:

«Скажи этой старой собаке, чья голова у тебя на плечах!» Побледневший сановник отвечал: «Голова, которую я, недостойный раб, временно осмеливаюсь носить — твоя, великий Хан!»

«Ты слышал, презренный червь», закричал Хан на дервиша, «а сейчас я покажу тебе, чья у тебя самого голова на плечах!»

Хан хлопнул три раза в ладоши, и в дверях показались два дюжих палача-фарсистанца со сверкающими саблями в руках...

«Остановись, Ядур-Хан», спокойно сказал дервиш. «Одумайся!»

«Да будь я ослом, если есть здесь о чем думать!» воскликнул Хан.

И только успел он произнести эти слова, как совершилось удивительное чудо! (Аллах ведает, что я говорю правду!) Вместо Хана стоял маленький смиренный ослик, а что касается дервиша, то он исчез, и слышен был только какой-то странный, постепенно удалявшийся хохот...

Советники, приближенные и палачи долго оставались в немом оцепенении, а ослик, шевеля своими длинными ушами, смиренно стоял и тупыми глазами посматривал на изумленных и перетрусивших людей.

Первым пришел в себя Абдул-Гази, сборщик податей. Он, предварительно, преклонившись перед осликом, предложил закрыть все двери и выходы дворца и составить совет, как быть и как поступить в новом положении.

И, посоветовавшись, порешили скрыть от народа странную перемену, происшедшую с Ханом, дабы не слишком

опечалить верных текинцев. Кроме того, постановили сообщать править страной, предоставив ослику всякие удобства, вплоть до помещения его в ханских комнатах. А жен Хана умертвить и вместо них приобрести несколько ослиц.

Как порешили, так и сделали!

Ослик прожил еще 20 лет, 20 месяцев и 20 дней и, когда издох, то был похоронен с большой пышностью около Анау в местности, которую до сих пор называют Ядур-Карыб (ослиная могила).

Дервиш (вернее всего, это был злой волшебник) исчез бесследно.

Текинцы после чудесного превращения Хана стали проявлять массу распущенности и были даже смельчаки, выходившие среди белого дня из своих кибиток...

V.

Байрам-Али и старый Мерв.

Я выехал из Асхабада 12-го января, рано утром, прямо в Байрам-Али, минуя Мерв.

Карантин в Мерве (по случаю чумы) был только что снят, но каждый момент грозил возобновиться, и потому путешественник легко мог бы очутиться там в положении арестанта. Все это делало поездку и остановку в Мерве крайне неприятной.

На вокзал я приехал всего за несколько минут до отхода поезда и поспешил в первый попавшийся вагон. Но носильщик, указывая мне на красовавшуюся на вагоне доску с крупной надписью — «Для мусульман», сказал:

«Вам, господин, тут не место».

Подобные специальные вагоны «для мусульман» имеются всегда при всех поездках Средне-Азиатской ж. д.

Смысла в этом я мало вижу.

Говорят, будто сарты, бухарцы и текинцы неопрятны, но ведь и российские путешественники (особенно среднего класса) не так уж увлекаются гигиеной. Как-то, из любопытства, я зашел в вагон «для мусульман» и, уверяю вас, там не было грязнее, чем в вагоне «для православных». А, между тем, такое распоряжение несомненно оскорбляет туземцев.

Мне пришлось быть свидетелем такого сорта происшествия: как-то раз, в вагоне, между Андижаном и Скобелевым, окончив игру в карты, я со своими случайными партнерами пошел обедать в вагон-столовую. Во время остановки, на какой-то станции, в него вошли два сарта, очень хорошо одетые, очевидно, купцы. Один из наших партнеров, бравый капитан, сейчас же указал им на дверь с приказанием удалиться, причем все это было сделано в очень грубой форме.

Сарты смущенно ушли...

Мне стало стыдно и больно...

Но я отвлекся в сторону и прошу извинения.

В Байрам-Али поезд пришел вечером и я захотел, конечно, немедленно отправиться в гостиницу. Но она имеется там лишь в зачатке, и потому, благодаря любезности начальника движения Ср.-Аз. ж. д. г-на Карпова, я прожил все время своего пребывания в Байрам-Али в вагоне, вместе с некоторыми моими спутниками. Вагон этот поставили на запасной путь, и я не могу пожаловаться на свое вагонное житье. Жилось сносно.

Всего в полуторах верстах от вокзала расположена Государева экономия или, как принято ее называть, Государево мургабское имение. А совсем около станции находится замечательный, построенный по последнему слову техники хлопкоочистительный завод, принадлежащий этому имению.

Весь Байрам-Али живет и дышит, конечно, имением и заводом, и 70% жителей состоят из высших и низших служащих этих учреждений.

Прекрасная и многоводная река Мургаб протекает близ самого имения, а в 25 верстах находится знаменитая Султанбентская плотина — одно из замечательнейших ирригационных сооружений края.

При экономии имеется 100 десятин виноградников, 50 десятин миндальных плантаций и одна десятая фруктового сада.

На землях имения расселены хуторами таранчи — выходцы из Семиречья.

Экономия образована еще не так давно, но уже очень благоустроена, и я с огромным удовольствием побродил там везде (где только было доступно).

Завод и имение расположены по левой стороне вокзала, а напротив, по правую сторону, лежит Старый Мерв, вернее, его развалины и небольшая азиатская часть Байрам-Али.

По своем приезде, я немедленно отправился осматривать царское имение и, признаться, был поражен его великолепным благоустройством.

В Мургабском имении

Чудесен и роскошен парк редких и ценных деревьев с аллеями, усаженными пышным, темным карагачем (дерево из породы акаций). Дворец небольшой, но очень красивый, построенный в современном стиле и, по крайней мере наружно, содержится хорошо. В дворцовый сад я не попал, ибо при первой моей попытке войти туда был остановлен сторожем.

Система орошения при Мургабском имении представляет собой последнее слово техники.

Но поразительнее всего в Байрам-Али, это его арыки (канавки). Арык — уличная или степная канавка, желобок — имеет для всего Туркестана огромное значение. При скудости естественного орошения края, а местами полного от-

сутствия воды, арыки часто являются единственными источниками влаги. Они, большею частью, просто вырываются в земле лопатами или даже руками самым примитивным образом и вода, речная или дождевая, накапливающаяся в них, служит часто (как например в Андижане, Намангане и подобных местах) для питья как людям, так и животным. Вода, конечно, в них грязная, как всякая стоячая вода, и буквально смертоносна для питья, если ее хорошенько не прокипятить. Половина ужасных местных болезней родится в этих арыках.

Но в Мургабском имении арыки нельзя, в сущности, даже назвать арыками.

Это очень широкие (около аршина) канальчики, заключенные в гранитные стенки, и вода в них прозрачна и чиста, как в источнике Ипокрена. Эти арыки идут сетью по всему имению, питаюсь водою из р. Мургаба.

Огромному количеству служащих людей живет в экономии больше чем хорошо, а те, которые недавно попали там под суд за злоупотребления или, как нежно выражаются в Байрам-Али, «за путаницу в отчетах», вероятно, просто с жиру сбесились.

А служащим здесь есть от чего жир нагулять.

Природа очаровательна, климат превосходный, мясо, дичь, молоко, фрукты и вина дешевы, а кроме того, кредит для служащих открыть широкий.

Словом, умирать не надо!

И немецкая поговорка «хапен зи гевезен» кажется полнейшей бессмыслицей там, где без всякого «хапен» живет жирно и привольно.

Много мне рассказывали о злоупотреблениях, бывших предметом судебного дела, и при этом спрягали глаголы «брать, взять», «красть» и т. д. на все возможные и невозможные лады.

Скучно и однообразно было слышать здесь о том, что и в России-то надоело.

Поселок служащих составляет целый маленький городок между вокзалом и имением. В нем есть, конечно, врачи,

аптеки, магазины, парикмахеры и клуб (собрание служащих).

В клубе можно недурно пообедать и поужинать, и там же находится театральная сцена со зрительным залом, которая сделала бы честь любому губернскому городу средней России.

Пароконные извозчики недороги и в достаточном количестве.

Я хотел было посетить хлопкоочистительный завод, но, оказывается, посторонним лицам вход туда воспрещен; надо быть, по крайней мере, тайным советником, чтобы попасть туда. Я же, как не имеющий никакого сана, даже мысленно не дерзнул подумать о чем-либо подобном.

Но каюсь...

На двор завода все-таки ходил и позволил себе (конечно, с должным уважением) осмотреть огромные горы хлопка, лежавшие на нем.

Уже по этим горам можно судить о колоссальном значении завода для окружающего района.

Из хлопка здесь ничего даром не пропадает. По очищении его и после выжимания из него масла, жмыхи прессуются и в форме кубиков идут на топливо, которое употребляется во всем Мервском крае. Они горят прекрасно и дают массу тепла.

Имение и завод приносят, как говорят, хороший дивиденд, и содержание их, во всяком случае, окупается с избытком.

Восточного элемента здесь совсем не видать и все служащие русские.

Зато, пройдя через вокзал на другую сторону железной дороги, т. е. просто через рельсовые пути, вы сразу почувствуете Восток.

Тут не может быть сомнений.

«Правая, левая где сторона?»

Насколько по левой стороне рельс (в имении) все опрятно и благоустроено в русском духе, настолько «по ту сторону» все бедно и грязно с чисто восточным оттенком.

В этом небогатом азиатском поселке живут (преимущественно ремесленники) текинцы, бухарцы и несколько сартов. Есть там восточный караван-сарай и несколько «чайханэ» (восточных чайных). Есть кое-какие восточные лавки и даже небольшой базар, где при мне расположился на отдых караван верблюдов

Караван верблюдов на текинском базаре

Что за славные животные эти «корабли пустыни» и каким роскошным подарком природы являются они для Туркестана!

Верблюд во многом превосходит лошадь.

Гордый конь по самой своей природе — аристократ.

Расовое различие между лошадьми огромное и чистокровный скакун, вероятно, с презрением смотрит на бедного тяжеловоза. Да, кроме того, лошадь требует ухода, а лошадиный аристократ «чистой крови» капризен не менее своего товарища людской породы.

И это несмотря на то, что, в сущности говоря, все эти скакуны «чистокровные» и все эти орловские и американские рысаки годны только для ипподрома, иначе говоря, для

тотализатора, и в этом отношении являются (как всякие существа высшей породы) тунейдцами. А издохнет такой аристократ, то уже всему конец, и воспоминание о нем остается только у разных спортсменов да у завсегдатаев «тошпки».

Верблюды же не знают никаких расовых предрассудков и требуют минимального ухода. А после смерти он своей шерстью греет хозяина, своей кожей покрывает его кибитку и своим мясом питает его.

Одним словом, верблюд настоящий демократ...

Конечно, есть верблюды подороже и подешевле, но цены тут не зависят от превосходства рождения, а лишь от его индивидуальных качеств (от силы и выносливости). Породе «Махария» ценят выше, но, в общем, верблюд в Туркестане стоит недорого: от 50 до 100 руб.

Лошадь почти неприменима на огромных пространствах безводных степей и пустынь Туркестана.

А верблюду нужно напиться раз в неделю, а ест он, когда и что ему дадут. Подымает он на себе порядочную тяжесть (до 6 пудов), но при этом у него есть одна особенность: когда его выючат, он ложится; и если ему накладывают лишнего, по его мнению, хотя бы фунт весу, он ни за что не поднимется с земли.

Туркмены любят и хорошо относятся к своим верблюдам.

Они украшают их разными лентами и побрякушками, и я никогда не видел, чтобы туркмен ударил животное.

Несколько смешно видеть огромный караван верблюдов, идущий, например, в Персию или в Афганистан.

Смешным элементом является ослик с туркменом на нем. Ослик этот всегда идет впереди, и уже за ним тянется весь караван. Верблюды при этом связаны между собою и идут гуськом.

Сколько я ни наблюдал караванов, но иного порядка не видел.

Езда на верблюдах — уже дело «на любителя». Я (еще раньше, чем побывал в Туркестане) испробовал эту езду и получил все, кроме удовольствия, т. е. головокружение, тош-

ноту и т. п. Да помимо этого, все время кажется, что куда-то падаешь.

Ослики тоже в большом ходу в Туркестане. Они там сильной и выносливой породы и стоят до смешного дешево (5-6 рублей). Полезны они туркмену до бесконечности.

Но я отвлекся в сторону моими зоологическими наблюдениями.

Побродив еще немного по азиатской части Байрам-Али, я зашел посмотреть караван-сарай и из любопытства спросил о цене грязной и темной конуры; с меня потребовали за нее чуть ли не грудку золота.

Старый Мерв (конец XIX в.)

Сейчас же около азиатской части Байрам-Али лежат развалины старого города Мерва.

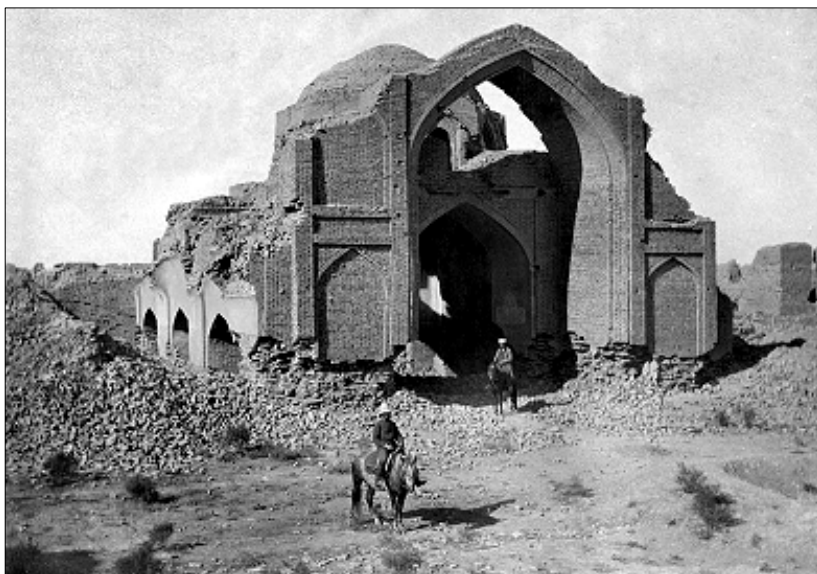
Старый Мерв, один из самых древних исторических памятников Туркестана. Расположенный между Ираном и Тураном, немудрено, что он постоянно являлся ареной кровавых битв и опустошений. Когда-то он был столицей Харазана. О его древности можно уже судить по тому, что Зороастра-Вендидат за 2500 лет до Р. Х. упоминает о нем.

Город переходил из рук в руки всех азиатских воителей и забияк, а в 18 столетии бухарцы его совсем завоевали и сделали местом ссылки преступников.

Пространство, занимаемое развалинами древнего Мерва, имеет почти 100 квадратных верст.

Происходит это оттого, что все завоеватели, по обычаю того времени, огнем и мечом разрушали город, а новый (свой) строили уже рядом.

И, таким образом, замечаются следы городов: Байрам-Али, Хан-Када, Искандер-Кала, Султан-Санджар-Кала и Гяур-Кала.

Старый Мерв. Мечеть (конец XIX в.)

Сохранились некоторые удивительные памятники древнего зодчества, из которых красивее всего мечеть Султан-Санджара. Искандер-Кала построен Александром Македонским. (По крайней мере, о его подвигах в Мерве рассказывает Квинт Курций.)

Для археолога развалины древнего Мерва должны дать огромное поле для работ одним только историческим событием, происходившим здесь. Но, как мне передавали старики в Байрам-Али, о русских археологах, посетивших развалины Мерва, не слышать, а иностранцам пребывание в Туркестане не разрешено.

Пройдя через старинные ворота за стену древнего Мерва, я убедился лично, что пора археологу заехать сюда, пока не будет поздно. Дело в том, что внутренность развалин обращена в место для свалки мусора. Да, кроме того, при мне какие-то люди приехали сюда с телегой и, преспокойно начав ломать стену, увозили массу камней (по всей вероятности, для шоссейных работ).

И, таким образом, дело по разрушению старого Мерва продолжается так же успешно (но с меньшим риском), как и при великом македонском герое.

Господа археологи!

Господа этнографы! Ау!

Где вы?

VI.

Бухара.

Из Байрам-Али я через Чарджуй поехал в Бухару.

— Станция Коган! — провозглашает кондуктор, и вы в Бухаре...

(Английский язык труден: пишется каучук, а выговаривается гуттаперча!).

При чем тут Коган, когда кругом Бухара и даже две: Новая и Старая?

Новая Бухара называется русский поселок-городок около самой станции Коган.

А Старая (настоящая) Бухара лежит на 13 верст в сторону, и к ней ведет отдельная ж. д. ветка.

Что за странная привычка у русских давать всем своим поселкам, возникающим около разных исторических или восточных местностей, название «новый»?

Ужели скудость фантазии не позволяет дать какое-нибудь свое название этим поселкам? Странно звучит «Новая Бухара», «Новый Маргелан» и т. д. (В погоне за новшеством близ Москвы находится даже «Новый Иерусалим»!..).

Обо всем этом размышлял я мимоходом, когда ехал с вокзала «Коган» в гостиницу в «Новой Бухаре».

При расчете с извозчиком меня постигла неприятность, но эту неприятность испытывают все путешественники, начиная с г. Чарджуй вплоть до г. Самарканда, а особенно чувствительна она в Бухаре.

Дело в том, что здесь в обращении находится лишь серебряная монета 15-копеечного достоинства. Монеты эти большею частью т. н. «сартовские», хотя и чеканятся они в Бухаре, а остальные деньги просто русские пятиалтынные. Кроме того, в ходу медные бухарские деньги (по 4 штуки на копейку и даже по 8 штук). Рубли, двутривенные и пол-

тинники здесь представляют собой чуть ли не нумизматическую редкость.

И, если вам надо отдавать извозчику 40 копеек, вы находитесь в безвыходном положении и, в конце концов, конечно, отдаете 45.

Эти бухарские монеты доставляют одни неприятности и, действуя на нервы (мне, по крайней мере), прямо-таки отравляют жизнь.

Новая Бухара представляет из себя городок, состоящий из одних почти больших и пустых площадей. Домов мало, все одноэтажные, невзрачные и отстроенные в строго выдержанном серпуховско-калужском стиле.

Единственный очень хороший дом (тоже в строгом стиле русских казенных палат), это дом русского политического агента. Над ним развевается русский флаг.

Новая Бухара имеет отделение Государственного банка, почтовое отделение и т. п., ну все, что требуется. Восточного в ней ничего нет решительно, и она с успехом могла бы заменить любой из русских городов.

На другой день по моем приезде, я отправился в настоящую Бухару с одной русской дамой, г-жой М., в 11 часов утра уже был на вокзале, а через полчаса езды по ж. д. ветке вышел на станции «Бухара».

Тут мы сразу попали в другой мир. Пестрая толпа сартов, хивинцев, бухарцев, индусов и др. в восточных костюмах гудела, шумела на всех концах перрона.

День был хороший, теплый и солнце (должно быть, в погоне за эффектами) освещало и толпу, и здания города с его минаретами.

Мы взяли пароконный экипаж и отправились в город.

Он начинался сейчас же у вокзала, и мы ехали по полумощенному, так сказать, шоссе. В самом городе мощеных улиц совершенно нет, и весной и осенью, в ненастную погоду, сообщение с ним почти прекращается.

Отъехав немного от вокзала, мы проезжали мимо огромного кладбища, тянувшегося по обеим сторонам дороги на большое пространство. Я бы не назвал это кладбищем, а вернее складом покойников, ибо одна могила (все

из глины) налеплена на другую, и все они были совершенно одинаковой формы. Все это напоминало денежный ящик (только гигантских размеров) в «железной комнате» какого-нибудь банка и, в довершение сходства, у каждой могилы я заметил нечто вроде дверцы.

Старая Бухара. Кладбище Ишан-Имля

Миновав «склад мертвых», мы через ворота въехали на улицу города и сразу попали в толпу живых.

(Слово «улица» прошу принимать только как манеру выражаться.)

Весь город состоял из узких проходов (немощенных), в которых два встречных экипажа с трудом могли бы разъехаться. Теперь прибавьте к этому, что за несколько дней перед нашим приездом в Бухару шел дождь, и вы можете смело мне верить, если я скажу, что жидкая грязь на «улицах» лежала не менее как на пол-аршина.

Несмотря на это, движение было большое. Всадники, верхом на лошадях, верблюдах, осликах сновали по всем направлениям. Что же касается пешеходов, то бухарцы, подбрав свои халаты, показывали истинные чудеса эквилибристики, ухитряясь переходить и перепрыгивать через невероятные лужи.

В бухарских домах окон на улицу совсем не существует. Да и к чему они, когда жизнь туземной семьи большей частью проходит на крыше дома?

В Старой Бухаре

На одной из этих крыш я увидел пару девушек (бухарских евреек), нарядно одетых в какие-то странные и богатые одежды. Обе были очень красивы, но одна из них обладала прямо-таки исключительной красотой. Они, увидев нас, смеялись и весело кивали нам головой.

Мы проехали еще бесконечный ряд узких улиц, которые чем дальше, тем становились все грязнее и грязнее.

Извозчику я велел везти нас в Регистан. (Регистан найдется во всех восточных городах Туркестана. Так называется главная площадь с базаром, на которой сосредоточена вся торговля и общественная жизнь туземцев).

Миновав еще несколько клоак, я и моя спутница вдруг ахнули от неожиданности: вместо улицы перед нами расстилалась водная равнина. Но наш извозчик, не смущаясь, спокойно переехал через нее, причем мы благоразумно по-

добрали свои ноги на сиденье, ибо вода почти достигала внутреннейности экипажа.

Переправившись благополучно через пучину вод, наше путешествие опять приняло сухопутный характер, и, немного погодя, мы торжественно выехали на площадь Регистана и остановились перед дворцом эмира или, как он тут официально называется, Джено-би-Лали.

Старая Бухара. Регистан

Изо всех городов и местностей, виденных мною в Туркестане, нигде подлинный Восток так ярко не сказывался, как на этой площади перед дворцом Бухарского властителя. Картины ее переносили вас сразу к сказкам «Тысячи и одной ночи», и герои моего детства Синдбад, Али-Баба и др. живо воскресли предо мною.

Громадная толпа на площади торговала, смеялась, ссорилась, мирилась и неистово при этом горланила на всех наречиях Востока. Живописный костюм хаджи в белых чалмах чередовался с остроконечными шапками афганцев, и

бронзовое лицо высокого индуса мелькало в толпе бухарцев и сартов.

Но в эту минуту на площади появилось два лица, привлекавших к себе общее внимание и эти два лица были — мы!

Около нас образовалась большая толпа, которая с любопытством осматривала нас и чуть что не щупала. Но, удовлетворив свою любознательность, она скоро отстала, и мы подошли к дворцу.

Так как эмира в это время не было в Бухаре, то я полагал, что возможно будет осмотреть дворец. Но не тут-то было!

Едва мы подошли поближе к воротам, как нас довольно грозно «осадила назад» стража, и нам пришлось отказаться от этой мысли, так что мы видели, собственно, только цитадель и внешнюю высокую стену из глины, окружающую дворец. Сам же дворец находится внутри.

Цитадель представляет собою довольно высокое здание с бойницами, но думаю, что дюжина молодцов-носильщиков с вокзала без особенного труда и потерь живо овладели бы и цитаделью и дворцом, несмотря на стражу и на то, что отряд бухарских войск, в количестве 14 человек, был выстроен перед дворцом. Мы, оказалось, попали на площадь все-таки в удачный момент, ибо как раз в это время там ожидали выезда из дворца Кушин-бега, т. е. первого министра и главного сборщика податей эмира.

И действительно.

Немного погодя мы услышали невероятно фальшивые звуки труб, и из ворот дворца начал выходить в расшитых золотом и серебром халатах цвет бухарской бюрократии. Впереди, в действительно очень дорогом наряде и с золотой чалмой на голове, шел сам Кушин-бег, а позади его свита. Министру подали дивного коня; да и у свиты лошади были великолепны. Но больше всего поразила меня попона на лошади Кушин-бега: она была вся золотого тканья и усеяна массой драгоценных камней.

«Войска» взяли на караул, министр и его свита сели на коней и быстро скрылись из вида.

Картина была красивая, но не без комического элемента.

Этим элементом являлись «войска».

Все 14 солдат были одеты в синие блузы и в ярко-красные шаровары, на голове у всех красовались кепи, несколько напоминающие головной убор французских солдат. Это было бы все ничего, но их манера ходить, держать ружья, отдавать честь и т. д. невыразимо отдавала фарсом, и опереточному режиссеру было бы здесь чему поучиться. Прибавьте к этому, что все солдаты были стариками и до невероятности грязны и оборваны.

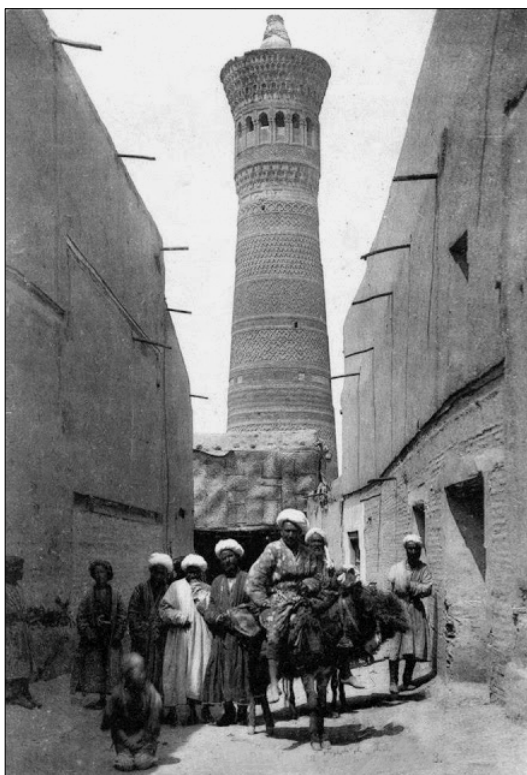

Военный духовой оркестр эмира Бухары

Ружья у них были того образца, который в Европе можно встретить лишь в музеях. Равнялись им и пушки, мирно лежавшие без лафетов на траве перед цитаделью.

И если народная толпа и площадь перед дворцом действительно воскрешали сказки Востока, зато сама цитадель, с ее стражей и войском, как нельзя больше переносила нас на сцену оперетки.

Кругом Регистана расположена масса мечетей и мы, конечно, пошли (пешком) их осматривать. Самая большая мечеть Медржди-Калым. По пятницам там сам эмир совершает намаз. Эта мечеть иначе называется Кок-Кумбаз, т. е. зеленый купол. Рядом с нею возвышается знаменитый минарет, вышиною в 87 аршин. С этого минарета сбрасывали вниз женщин, уличенных в прелюбодеянии. Последняя такая казнь была совершена еще не так давно.

*Старая Бухара. Жители перед минаретом Калян
(«башней Зиндан»)*

Зашли мы еще в магометанские училища: (университеты) мадрасс Ир-Назар и Мир-Араб.

(Первое из них сооружено с помощью Императрицы Екатерины Великой).

Все мадрассы располагают превосходными и просторными аудиториями, что, конечно, не лишнее, так как в Бухаре числится 10000 студентов!

Тут, конечно, слово «студент» надо понимать иначе, чем у нас.

Бухарский студент — и торговец, и ремесленник, но вместе с тем, прилежно проходит курс мусульманских наук в мадрассе.

Да кроме того, Бухара служит сейчас центром, откуда выпускается магометанское духовенство для всей Средней Азии.

Мы, было, пытались завести беседу со студентами, но тщетно. За незнанием языка, пришлось ограничиться одной мимикой.

Минареты особенно красивы в Бухаре; на самой их верхушке вы обязательно увидите огромные гнезда аистов; их не трогают, так как аист является одной из любимейших птиц бухарцев.

Мы вернулись обратно через базарную площадь и увидели, что вся толпа сосредоточилась вокруг сказочника, рассказывавшего сказки и во время отдыха показывавшего какие-то непонятные для нас фокусы с маленькими красными шариками.

Вообще надо сказать, что не зная языка, трудно пройти любознательному человеку по Бухаре. Что же касается самих бухарцев, то я не встретил ни единого, который хотя бы одно слово знал по-русски. Особенно бросалось это в глаза, когда я покупал на базаре кое-какие вещи: туземную обувь и одежду. Приходилось тыкать пальцем в тот предмет, который вам хотелось купить, а потом выложить наглядно ту сумму денег, или, вернее сказать, то количество бухарских пятиалтынных, которых, по вашему мнению, товар стоил.

Купец же, со своей стороны, так же наглядно прибавлял сумму, желаемую им за товар и, таким образом, молча вы торгуетесь, пока не придете к окончательному результату.

Перед одной из мечетей я увидел замечательную птицу, величиной с голубя, но блестяще-черного, как уголь, оперения с ярко-желтыми лапами и клювом (из породы скворцов), и мне сказали про нее, что она «говорит, как человек». По-туземному она называется «майно-джоу» или просто майно.

Так как ее, оказывается, можно было купить (как все в Бухаре), то я полюбопытствовал о ее цене, и с меня спросили 50 руб., что в переводе на настоящие русские деньги будет, конечно, значить 25 р.

Знаменитые и, действительно, очень красивые и грациозные бухарские кошки продаются здесь, на месте, тоже не дешево.

Пара хороших экземпляров (самец и самка) стоит от 75 до 100 рублей.

Старая Бухара. Торговля книгами

Мы прошли еще раз главным, крытым базаром, где шла огромная торговля и где опять перед нашими глазами, как в этнографическом словаре, промелькнули все народности Востока.

Все предметы торговли здесь размещены по отделам; так, есть хлопковые, шелковые, каракулевые, халатные и другие ряды.

Что касается каракуля, то он здесь, на родине своей, делится на три сорта: черный, серый и коричневый; последний самый дорогой, ценный. Дешевле шести рублей за шкурку, хороших смушек купить нельзя.

Но что, действительно, хорошо в Бухаре и что я рекомендую каждому там купить — это изюм всевозможных сортов и вообще всякие сушеные фрукты. Все это там превосходного качества и весьма недорого.

Утомившись от долгой ходьбы по бухарским рытвинам, мы обрадовались, увидев своего извозчика, и двинулись обратно на вокзал.

Вез он нас теперь другой дорогой, и мы по пути успели осмотреть главный священный пруд (Хауз), в котором, сам эмир, раз в год, совершает омовение*. В Бухаре прудов, вообще, много и получают они свою воду из реки Зеравшана через канал Шахруд. При этом вода в прудах, разумеется, застаивается и, благодаря этому, в них разводятся мириады бактерий, главным образом дафний и циклопов, и в результате масса жителей Бухары страдает ужасной болезнью, известной под туземным названием — *ришты*.

Ришта — это низшее животное из отряда круглых червей, рода нитчатки (*Faleria*). Червь этот похож на белый тонкий шнурок и достигает часто 80 сантиметров длины, тогда как зародыш его еле виден и имеет едва ли 0,6 сантиметра. Зародыш этот попадает в человеческий желудок вместе с питьевой водой; там он прекрасно развивается и через кишки проникает в кровь человека. Полного своего развития он достигает в соединительных тканях человека. Затем, посредством нарывов или ужасных язв, он показывается наружу. Единственное лечение состоит в извлече-

* Я этим вовсе не хочу сказать, что повелитель бухарцев один раз в год умывается. Боже меня сохрани выразить сомнение в чистоплотности эмира!

нии червя из тела человека, и тут сартские доктора являются большими искусниками. С помощью тонкой, расщепленной на конце палочки они ущемляют червя и, ежедневно делая по несколько оборотов, постепенно извлекают ришту из тела больного.

Недурная вещь!

Заходил я еще в знаменитую лавку не менее знаменитого бухарского еврея Дауда, торгующего древностями.

В Бухаре масса очень типичных евреев и все они ведут свою родословную от Вениамина. Самый старый и самый типичный из них, это старый Дауд, и между всеми древностями, которыми он торгует, пожалуй, он самый любопытный.

Редкие древности в Бухаре, конечно, найдутся, но цены на них (на настоящие) чудовищные.

Зато имитаций и фальсификаций теперь появилось здесь множество, и за полтора рубля вы найдете сколько угодно «подлинных» мечей Олоферна или Камбиза.

Подъезжая к вокзалу, мы в каком-то русском трактирчике дорого и скверно пообедали, а через час уже вернулись обратно в Коломну... тьфу ты! Я хотел сказать — в Новую Бухару!..

Да разницы, собственно, никакой!

Разве только та, что в Коломне исправник, а здесь политический агент.

Зато в Коломне пастила, а здесь — ничего...

Во сне я видел, что меня назначили эмиром и, проснувшись, долго от страха не мог прийти в себя...

VII.

Кабала в Бухаре.

Площадь в Регистане перед дворцом Эмира в Бухаре...

Полдень...

Пестрая восточная толпа, разинув рты, глазеет на роскошный выезд первого министра (Кушин-бега) из дворца.

Я также глазел и почтительно удивлялся...

Но, по скверной своей привычке глазеть и по сторонам, я увидел вокруг, недалеко около мечети, странную группу.

Взрослый мужчина и женщина, да два мальчика лет по 12-14, все в лохмотьях и невероятно грязные, стояли, понутив свои головы.

Все они между собою были связаны по рукам крепкими ремнями...

Около них стояло два «райса» (бухарские полицейские), державшие в руках нечто вроде плетей...

Думаю — за какое такое коллективное преступление постигла такая участь целую семью?

Оказывается, это были кабальщики, т. е. люди, попавшие за долги в рабство.

Чтобы объяснить такое странное и ужасное явление, надо прежде всего кое-что сказать о нынешней форме управления в Бухаре.

Официальный образ правления — деспотический, т. е. эмир нераздельно правит страной и права его неограничены. Такое явление основано на правилах шариата.

Исполнителями воли Эмира являются — Казы-Келян (министр юстиции и духовных дел), а также Куш-бег (министр финансов).

Провинциями управляют беки (губернаторы), назначенные и по желанию сменяемые Эмиром. Бекства делятся на амлякдарства (уезды). Амлякдар — это уездный начальник.

Жалованье (кроме служащих в войсках) в Бухаре никто не получает. Все дворцовые чины живут милостями и подачками эмира.

Беки и амлякдары кормятся, как хотят, т. е. стригут население в той мере, какая им кажется удобной.

Законная подать состоит для земледельцев в одной десятой части урожая (херадж), а для торговцев в 2½ % стоимости всего их товара (зякет).

Земледелец не может продать зерна, пока умолот его не будет определен амлякдаром.

Когда произойдет исчисление обложения, эмир устанавливает цены на продукты земледелия, и каждый может внести подать деньгами или натурой.

А покупателями обыкновенно являются подставные лица от самого бека.

Тут, разумеется, бек наживается, а население стонет.

Иногда, но очень редко, на бека решаются жаловаться в Бухару и бывают случаи, когда зарвавшийся сатрап лишается бекства и подвергается суровому наказанию, вплоть до конфискации его имущества и палочных ударов.

Но, если бек уличался в уменьшении доходов от бекства, то его ждала та же участь.

Напрасно он будет ссылаться на неурожай или другие всевозможные причины. Оправдания ему нет!

Он лишается всего, превращаясь в нищего. И тогда он и дети его должны продавать свой труд в качестве поденщиков на рынке.

Сейчас же после сбора урожая, бек обязан превратить натуру в монеты и отослать их в Бухару.

Каждые 1500 рублей, зашитые в мешок, составляют выюк одной лошади, и сын бека отправляется с караваном в Бухару — сдавать подать Эмиру.

Скверные минуты переживает почтенный администратор, ожидая возвращения посланного.

Если все обойдется по-хорошему, бек остается на месте и может продолжать свои коммерческо-административные операции.

А если в Бухаре найдут, что присылка «мала», придется злополучному сатрапу отправить другой караван с дополнительным взносом, который выжимается на скорую руку из населения.

Бухарские узники

Амлякдару тоже, волей-неволей, приходится стричь публику, ибо он обязан «дарить» беку одного верблюда, одну лошадь и двух баранов и, кроме того, еще от 100 до 300 рублей презренного металла.

Иногда беку удастся сойтись «по«хорошему» с бухарскими правителями. Тогда последние предлагают беку сообщить цифру накопленного им капитала, после чего требуют возвращения в «казну» известной суммы.

После того, как обе стороны изрядно поторгуются, все кончается к общему удовольствию и бек остается на месте.

Весь доход поступает в кассу эмира, который содержит «армию» и, по своему усмотрению, раздает кое-что служащим.

Школы содержатся на частные средства, а мадрассы на завещанные (вакуфные) капиталы.

Результатом такой финансовой системы было то, что народ в Бухаре обеднел до крайности, а если кто-нибудь и имеет кое-что, то старается спрятать свое добро подальше от жадных глаз беков и амлякдаров.

Долго ломали себе голову мудрые правители, чем поправить свои делишки.

Какой-нибудь вольнодумец сказал бы, что для этого надо было бы поднять народное благосостояние и образование, усовершенствовать земледельческую культуру, развить торговлю и пути сообщения и т. д. и т. д.

Но такие советы вызвали бы в Бухаре смех.

И в довершение ее несчастья, по русско-бухарскому договору, заключенному 40 лет тому назад, бухарская казна совершенно лишилась одной очень выгодной отрасли торговли — торговли людьми.

Дело в том, что статья 17 этого договора гласит: «В угоду Государю Императору; и для вящей славы Его Величества отныне, в пределах Бухарского Ханства, уничтожается постыдный и противный законам человеколюбия торг людьми».

Так что *рабства* (официального) *в Бухаре нет*. Между тем, торговля рабами была одним из главных ее доходов, и уничтожение этой торговли для бухарской казны было равносильно упразднению рулетки в княжестве Монако. Но изворотливые азиатские политики сумели весьма «обходительно» обойтись с 17-ой статьей договора.

Вместо рабства существует теперь в Бухаре кабала, т. е. то же рабство, но с другим названием.

Ведутся даже бухгалтерские кабальные книги.

В эти книги вносятся имена тех несчастных, которые не могли своевременно уплатить казенных податей, а также и имена частных должников.

Девяносто % из этих людей составляют, конечно, должники казны.

Внесенный в кабальную книгу лишается всех прав состояния и не смеет отлучаться от места своего жительства. Через особых глашатаев имя его выкрикивается на улицах и площадях.

И вот каждый бухарец, располагающий капиталом, имеет право купить у казны те претензии, которые она имеет к несостоятельному должнику. Если у покупателя нет свободного капитала, чтобы заплатить долги сразу, то достаточно, если он обяжется вносить деньги частями. И покупатель после этого делается, в полном смысле слова, владельцем кабального человека.

Можно было бы думать, что кабала есть нечто временное, т. е. существует она лишь до тех пор, пока должник не отработает всей суммы долга.

Но это только в теории.

Контроля над собственником кабального человека не имеется никакого и рабовладелец сам оценивает как работу, так и стоимость его содержания, причем, конечно, себя не забывает.

Все это резко идет вразрез с учением Корана, который запрещает брать проценты или обижать должников.

Жаловаться кабальному некуда и некому.

До Кушин-бега, живущего в Бухаре, кабальный не дойдет, ибо без разрешения хозяина он шагу никуда сделать не может. Писать?

Грамотей-бухарец такая же редкость, как белый негр.

Ни один туземец не гарантирован от того, чтобы не попасть в кабалу.

Бек или амлякдар наложат на неугодного им человека штраф таких размеров, который тот уплатить не в силах — и кабала готова!

Несчастный с семьею (кабала распространяется также и на семью) выводится на рынок и продается.

А наложение штрафа для бухарского администратора не безвыгодно, ибо, по тамошнему обычаю, в казну посту-

пает лишь часть штрафных денег, остальные же составляют доход лица, наложившего его.

Штраф налагается, конечно, сообразно размерам состояния и общественного положения намеченной жертвы.

Семья того кабального, что я видел на бухарском базаре, «стоила» всего около 250 рублей на русские деньги. (Три хороших верблюда!).

Ужасна участь кабальных!

Они живут, большею частью, вместе с домашними животными, или просто «на вольном воздухе». Кормят их рисовой кашницей или, в минуту человеколюбия хозяина, черствой кукурузной лепешкой.

А работать заставляют их с утра до ночи, причем никакой труд не считается для них тяжелым.

За малейшую провинность хозяин имеет право наказывать кабального не только побоями, но и заковать в колодки. Избиение до смерти не редкость.

И вот любой бек и даже амлякдар таким образом создает для себя сколько угодно даровых работников.

Ведь постановление этих господ о наложении штрафа — окончательное, и обжалованию не подлежит.

Уж раз кто внесен в кабальную книгу — несчастный и вся его семья обречены на гибель. Женщины и мужчины превращаются в вьючных животных, а девушки служат в гаремах потехой для гг. бухарских администраторов.

Все это ужасно!

Но еще ужаснее то, что сделать с этим ничего нельзя.

Даже русский политический агент в Бухаре бессилен, ибо он тут, разумеется, для того, чтобы поддерживать дружеское отношение к соседней стране, а вовсе не для того, чтобы вмешиваться во внутреннюю жизнь дружеского государства, что, конечно, могло бы вызвать неудовольствие бухарских властей и, чего доброго, привело б к столкновению между Россией... и Бухарой!

Тут шутки плохие!

Помочь могли бы здесь только капиталы, достаточные для того, чтоб выкупить несчастных рабов, т. е. — простите — должников.

А поговорите с бухарским администратором обо всем этом, он вам скажет:

«Помилуйте, у нас рабства нет, а должников и у вас по головке не гладят!»

И он почти прав.

Тут нужны деньги и большие деньги!

Где вы, господа американские короли?

Где вы, гг. Рокфеллеры, Карнеджи, Асторы, Вандербильды и др.?

Тут есть куда отделить из ваших миллиардов...

Любопытен рассказ, который я слышал от одного старого дарвозца о таком «кабальном случае».

Привожу его вам...

В Кулябском бекстве, недалеко от Хирманджо, жила счастливо и в некотором достатке семья таджика (таджики — бухарцы иранского происхождения).

Семья состояла из мужа, жены, двух сыновей и дочери.

Сыновья были уже взрослые, а дочь Мейхун, 15 лет, считалась во всем округе первой красавицей, и старик не нарадовался на своих детей.

В один прекрасный день, в дверь сакли таджика поступал посланник от бека, обыкновенный раис (полицейский) и, когда перепуганный старик вышел к нему, посланец бека сказал:

— «Благодать Аллаха снизошла над твоим домом! Я явился к тебе вестником большой радости и чести для всей твоей семьи! Могущественный бек увидел твою дочь, когда она собирала плоды гранатного дерева, да, кроме того, он услышал, что она мастерица ткать маты (бухарские материи) и он милостиво приказал привести ее к нему!»

Побледневший старец сначала от испуга онемел, но, наконец, нашелся и ответил:

— «Могущественный бек слишком добр и милостив к нам, и избави меня Аллах от того, чтобы я воспользовался для моей Мейхун добротой нашего господина! Дочь моя слишком недостойна, чтобы осмелиться войти в дом бека! Да от солнечного сияния твоего господина она завяла бы сразу. Пусть уж она здесь, в тени влачит свои дни!»

С этим ответом посланец ушел, оставив в отчаянии и горе семью таджика, ибо для всех было ясно, что бороться с желанием бека бесполезно и что бедную Мейхун, так или иначе, придется отдать беку.

И на семейном совете решено было тайком ночью отправить девушку в Сарыгор, к родственникам таджика.

Так и сделали.

А утром вся семья подняла ужасный вопль и крик, и на вопросы соседей ответили, что их дорогая Мейхун вечером, желая покупаться в речке — утонула. А когда посланец бека на другой день явился с людьми, чтобы силою взять девушку, то семья вышла к нему в траурных одеждах и старый таджик сказал:

— «Аллах велик! Да будет его святая воля! Он наказал нас за то, что мы не приняли от бека его милости. На дне речки наша радость, наша Мейхун покоится навеки». — При этом вся семья заливалась слезами и надо думать, что слезы эти были искренни, ибо пережитое волнение и разлука с любимой дочерью представляла достаточную причину для слез.

Гнев бека был ужасен.

Он, да и все население, конечно, прекрасно поняло, что Мейхун спрятана в укромном месте и что она находится «вне пределов досягаемости» для бека и, в результате, сластолюбивый сатрап через кадия возбудил обвинение против всей семьи таджика в том, что они ночью утопили девушку, причем приближенные бека свидетельствовали, что слышали жалобные крики Мейхун около реки.

Бухарское правосудие скорое и не милостивое.

Все члены семьи были присуждены к 500 ударам плетью каждому и к уплате штрафа в 3000 тилли (тилли = 3 р. 80 коп.). Так как такой огромной суммой почти никто из частных лиц не владеет, то таджик и его семья были объявлены кабальными людьми.

Сакия их и имущество было взято в казну, а сам таджик с женою и сыновьями был выведен на рынок.

Мейхун же, как только услышала об участии ее родителей и братьев, сама явилась к беку, и бек с неделю отдал

должное ее ... умению ткать... но в помиловании ее родных все-таки отказал.

И Мейхун в отчаянии, на этот раз на самом деле, утопилась там же, где прежде это только предполагалось.

Говорят, впрочем, что беку за его «шалости» был объявлен из Бухары выговор...

Говорят еще, что бек от этого не утопился...

Я далек от мысли винить в чем-нибудь жизнерадостного и веселого бека и вовсе не желаю оправдывать строптивую Мейхун и ее погрязших во лжи родителей, но думаю:

«Ceterum censeo Carthaginem esse delendam!».

VIII

Самарканд и могила Тамерлана.

Из Бухары я отправился в Самарканд.

Дорога здесь удивительно однообразная и скучная, хотя, конечно, не похожая на ужасную песчаную пустыню, что тянется от Красноводска до Асхабада.

На 87 версте от Бухары лежит городок Кермине, представляющий собой немалый интерес.

Этот город служит излюбленным местопребыванием эмира.

По бухарским обычаям, каждый престолонаследник должен служить некоторое время беком (губернатором), чтобы научиться управлять и чтобы познакомиться с народом.

Нынешний эмир когда-то служил беком в Кермине, и по настоящие дни большую часть своего времени проводит в нем.

Там есть несколько дворцов, отделанных очень роскошно, и склад с имуществом эмира.

Есть и цитадель с бойницами, но европейских учреждений там нет совсем.

Немного дальше находится город Карши, и здесь вы уже проезжаете по Каршимскому оазису, где сама природа дала высокую культуру всяким земным плодам. Тут прямо рай в смысле растительности.

Город Карши лежит на берегу реки Кашки-Дарьи, и очень древнего происхождения. Он очень богат, с громадной торговлей и со множеством маслобойных заводов.

Особенно славятся в нем чай-ханэ (чайные). В них, в качестве прислуги, служат мальчики. Эти мальчики расхаживают в шелковых халатах и ноги их украшены браслетами. Кроме того, они надушены до омерзения. Все они до мозга костей развращены и, вообще, составляют позор и язву мусульманских нравов...

На берегу реки в г. Карши есть огромный сад, составляющий собственность эмира.

Удивителен местный гарнизон войск: он вооружен фитильными ружьями...

Замечательна здесь и тюрьма. Арестанты все сидят в колодках и содержатся всецело на счет благотворителей.

Но все на свете кончается. Кончился и бухарский кошмар, и за станцией Термес вы попадаете опять «в Россию», т. е. в Самаркандскую область.

В шесть часов вечера я очутился на вокзале в г. Самарканде.

Самарканд!

Тут вы уже стоите на исторической почве, где земля, может быть, оттого так плодородна, что веками удобрялась людской кровью.

Но оставим в стороне поэзию и вернемся к прозе.

Самарканд столица и главный город Самаркандской области.

Город, конечно, делится на русскую и азиатскую части и население его равняется (около) 60.000 душ — 20 тысяч русских и 40 тысяч туземцев.

Климат великолепный, но летние жары достигают 40° Ц. в тени...

В конце февраля все уже цветет.

Растительность богатая и роскошная, и почти все русские обитатели занимаются садоводством.

Проживает здесь начальник области и имеется, конечно, масса правительственных учреждений.

Есть Общественное собрание и городской театр.

С вокзала я проехал прямо в гостиницу (первую в городе), где драли с меня немилосердно и отвратительно кормили. Хороших ресторанов в городе нет ни одного, но зато есть недурная кондитерская, в которой кофе и пирожками я старался вознаградить себя за отсутствующий обед.

(Я, конечно, все время говорю пока о русской части Самарканда).

Вечером я пошел в городской театр и, должен признаться, что никому не посоветую попасть в этот «Храм муз».

Дело в том, что в январе месяце в Самарканде бывает весьма холодно, и я в театре чуть было не замерз, так как театр деревянный и, при этом, почти не отапливаемый. Кроме того, он построен в какой-то яме, где, как мне говорили, прежде было болото. Публика — (я и еще человек тридцать товарищей по несчастью) сидела в калошах и шубах и стучала зубами все время, точно кастаньетами.

После такого посещения самаркандского театра и несмотря на то, что день, сравнительно, был теплый, я, вернувшись в свою гостиницу, велел затопить печь и три дня никак не мог согреться.

В городе существует музыкальный кружок.

Кружок этот и содержит холодильник, называемый «Городской театр» и немудрено, что деятельность этого кружка все время стоит на точке замерзания.

Имеется еще Военное собрание с очень хорошей библиотекой до 2000 томов, но туда, даже на платные вечера и спектакли, посторонних лиц, а особенно лиц нерусского происхождения, не допускают вовсе.

Я как-то «зайцем» побывал там: человек 10 сидели и молча смотрели друг на друга.

Скука была легендарная.

Зато Общественное собрание радушно открывает свои двери для всех желающих покушать, поиграть в карты и повеселиться.

Газет в городе не издается.

Была одна, но «вся вышла» по обстоятельствам, от редактора не зависящим.

Вообще надо сказать, что весь Туркестан утоляет свой газетный голод «Туркестанским курьером», выходящим в Ташкенте. Этого «Курьера» вы найдете везде.

Газета юркая с явно консервативно-либерально-реакционно-прогрессивным направлением. Или, как говорят благонамеренные люди, оппортунистическая!

Но самаркандцы, кажется, мало горюют об отсутствии местной прессы.

У них имеется невероятное количество кинематографов, а ведь «Пате журнал все видит и все знает!»

Войско составляет большую часть русского населения Самарканда. Затем идут служащие в разных казенных и частных учреждениях, коммерсанты, агенты и небольшое количество лиц свободных профессий.

Но все то, что можно сказать о русской части Самарканда, можно сказать и о любом русском губернском городе и потому, прошу вас последовать за мной и ехать в настоящий, туземный Самарканд.

Для этого только следует пересечь Абрамовский бульвар, и вы из будничной русской действительности сразу попадете в сказочный, яркий мир исторического Востока.

Азиатский городок с его базаром, чай-ханэ, караван-сараями и т. д. начинается непосредственно за Абрамовским бульваром. Этот городок необыкновенно грязен, и туземное население ютится в деревянных или глиняных лачугах удивительно причудливой архитектуры.

Все это похоже, сказал бы я, на восточный Нюрнберг.

Лишь только вы покажетесь в туземный город, как сейчас же, точно из-под земли, вырастают перед вами проводники, предлагающие свои услуги для осмотра древностей.

Но тут вы натываетесь на курьез:

Все эти гиды до единого уверяют вас, что они сопровождали по Самарканду — кого вы думаете — Верещагина!

Они, очевидно, прекрасно понимают, что имя великого художника известно всем русским, и в результате получается, что Верещагин ходил по Самарканду со свитой, по крайней мере, из 30-40 проводников. Когда я одного из них спросил, а кто же такой был Верещагин, он не задумываясь ответил:

«Хороший господин был! Большой купец!»

«Не полотном ли он торговал?» — продолжал я.

«Верно говоришь, — ответил сарт, — хорошим полотном!..»

Взявши одного из этих гидов, я пошел за ним бродить по древним зданиям города. Он же упорно тянул меня к лавкам с целью заставить купить что-нибудь.

И здесь, оказывается, комиссионное дело процветает.

Что за сказочное зрелище открывается перед вами, когда солнце играет своими лучами на этих неувядаемых красках изразцов старинных величественных дворцов и мечетей. Грандиозность размеров, красота архитектурных линий и богатство красок переносят вас в волшебный мир восточной поэзии.

Но, к сожалению, здесь не только создавали, но и разрушали, и все эти азиатские вояки: Александр Македонский, Чингис-Хан, Тамерлан и легион других огнем и мечом расписались здесь в своем пребывании.

Поражают вас также не менее великолепные сады при каждом древнем дворце или храме.

И не удивительно, что послы кастильского короля Генриха III рассказывали чудеса о своем здесь пребывании. По их словам, город по своей величине превосходил Севилью и имел 150.000 жителей!

Я всегда с некоторым недоверием любовался на чудные полотна Верещагина и его закаспийские эскизы и подзревал этого замечательного художника в преувеличении колорита. И я рад, что имею теперь случай публично показаться в этом, ибо увидел в натуре точные копии с его красок.

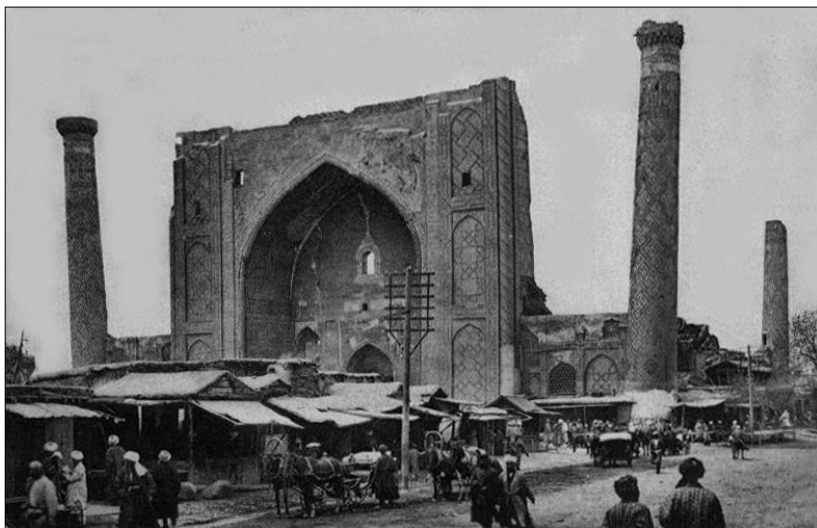
Но в чем заключается тайна выделки эмали на изразцах, покрывающих древние дворцы и храмы Самарканда?

Цвет красок так же ярок, как будто возник вчера, а это «вчера» у некоторых зданий считается за 2000 лет. Ни время, ни действие атмосферы, ни жгучее солнце Туркестана не повлияли на целостность красок и они горят сегодня так же, как и много веков назад.

Изразцы окрашены в белый, синий и желтый цвет, имеют форму небольших квадратов и все эти огромные здания выложены такими изразцами.

Лучше всего сохранились мечети: Тилля-Кара — выстроена Багадуром; затем мечеть Улут-Бек — построена внуком Тамерлана; мечеть Шир-Дор и мечеть Биби-Ханым, построения Тамерланом в честь его любимой жены. На ней день и ночь работало 700 индусских рабов, причем мрамор был привезен из Индии на слонах.

Но самая красивая и интересная мечеть Шах-Зинды. К сожалению, она хуже других сохранилась и, благодаря современным «ремонтам», значительно обезображена.

Самарканд. Медресе Тилля-Кари и минареты Улуг-Бека.

При ней существует магометанская школа медресе. При входе в этот медресе, с правой стороны находится бронзовая дверь удивительно тонкой работы, ведущая в особую комнату. В этой комнате, на мраморном пюпитре, лежит копия с Корана, за чтением которого был убит калиф Осман.

Подлинник хранится в... Петербурге в Имп. Эрмитаже!!..

Когда вы смотрите на эти грандиозные и единственные в мире памятники былого величия мусульманского мира, то, закрывши один глаз, ваш взгляд сможет в то же время схватить и те лавчонки и чай-ханэ, что ютятся кругом древних гигантов. И как мало красота и чистота линий древних мечетей гармонирует с парящей кругом грязью!

Старый Самарканд

Содержатся эти исторические сокровища плохо или, вернее сказать, они совсем не содержатся. Правда, не так давно вышло запрещение брать материал из древних зданий для современных построек, но это именно *недавно*, так что в сущности успели уже, конечно, расхитить все, что было ценного по этой части.

Да, наконец, в Самарканде случился такого сорта анекдот... Приехало туда, из Ташкента, одно очень высокопоставленное лицо из чинов туркестанской администрации. Во время пребывания «особы» в городе, один из легкомысленных обитателей позволил себе обратить ее внимание на то, что надо было бы принять решительные меры для охраны самаркандских исторических древностей.

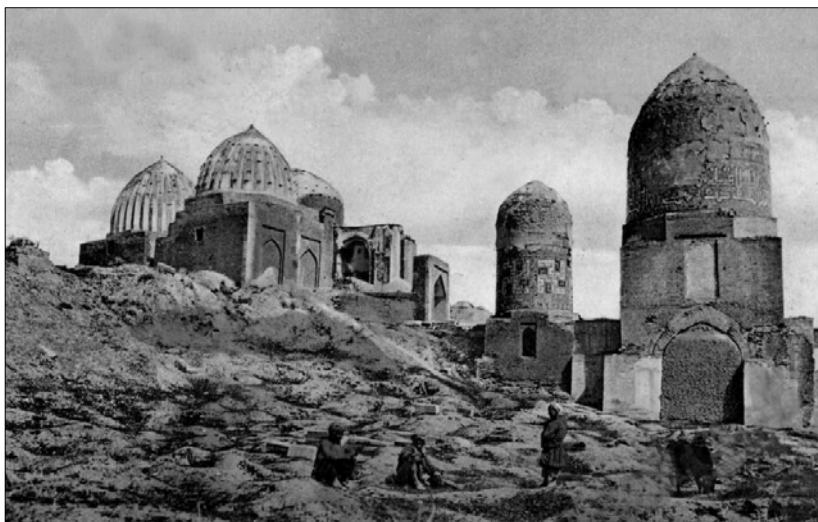
И изрекла сия особа:

«Чем скорее разрушится все это, тем лучше для русской государственности».

Так сказал не Заратустра!

Простой администратор изрек такую мудрость...

Неужели Чингис-Хан и Тамерлан нагнали такого страха, что еще и теперь, через столько веков после их смерти, они могут быть опасны для «государственности»?

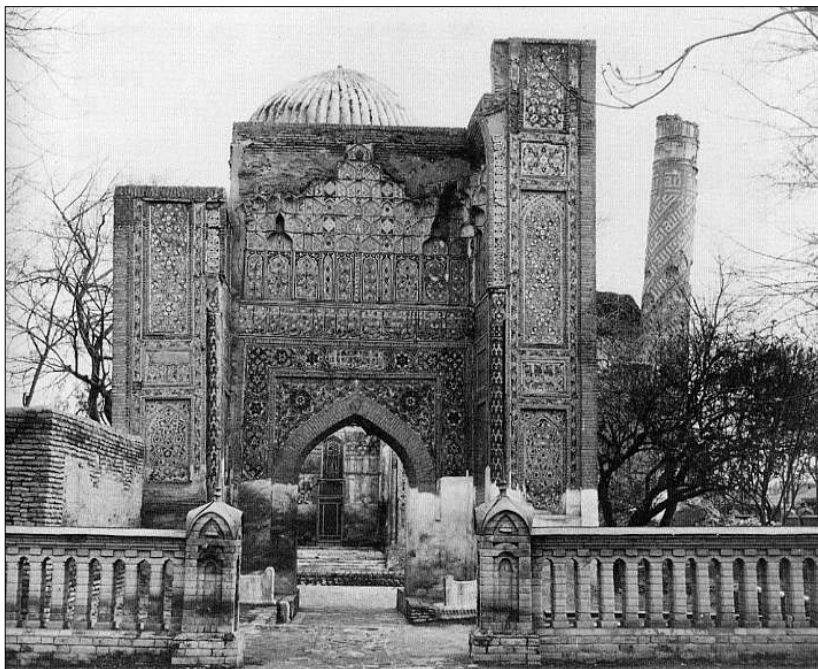
Самарканд. Шах-Зинде

Интереснее всего в Самарканде мавзолей, воздвигнутый над могилой Тамерлана. Называется она «Гур-Эмир», что в переводе значит — могила повелителя.

Мавзолей этот представляет из себя огромное здание красоты, поистине, замечательной. Над центром его высится выложенный цветными изразцами грандиозный купол. Изразцы желтого и черного цвета и, по-моему, напоминают тигровую шкуру, отчего все здание имеет в себе что-то злое. Лишь только вошел я в мавзолей, как увидел в вестибюле муллу с учениками, которые, сидя на корточках, хором, нараспев читали молитвы из Корана. Все сейчас же поднялись мне навстречу, и на мое желание осмотреть могилу, ответили любезным предложением проводить меня.

Внутренность здания разделена на верхнее и нижнее отделение.

Я был поражен его роскошной отделкой. Везде мрамор, золото и т. п.

Самарканд. Мавзолей Гур-Эмир

В центральной комнате верхнего отделения лежат девять камней, ибо здесь, кроме Тамерлана, погребен еще его сын, его советники и какой-то магометанский святой. Самый главный камень, конечно, над могилою Тамерлана.

Камень этот единственный в мире, черный нефрит-монолит огромной величины.

Но он расколот пополам (как говорят, персидским царем Шах-Надиром). Этот чудный камень привезли из провинции Хотан, и высечен он из гор Куэн-Лун. На нем есть арабская надпись, содержащая в себе генеалогию Тамерлана и Чингис-Хана, предание о том, как Аланкува забере-

менела от луча солнца и дата смерти Тамерлана (807 год гедржи 14 месяда шаобана).

В мавзолее молилось несколько правоверных и, вообще, там часто совершаются богослужения.

Возле могильного камня стоит высокое знамя, на которое верующие вешают лоскутки разноцветных материй. Сколько я ни расспрашивал, но не мог добиться объяснения этого обычая.

Больше всего лично меня поразили мраморные перила ажурной работы кругом могильных камней. Такое тонкое мраморное кружево, изображающее виноградные лозы, едва ли, я думаю, было где-либо сделано с таким искусством.

Мулла зажег две восковые свечи и предложил мне сойти в нижнее отделение и, спускаясь долго вниз по узким и темным катакомбам, я, наконец, очутился в подземелье, где собственно и погребен Железный Хромец, Бич Божий Тамерлан.

Странная мысль приходит человеку в голову, когда он стоит у гроба Тамерлана...

Прежде всего — кто был Тамерлан? Покойный профессор Т. Н. Грановский, в своей лекции о Тамерлане, в одном месте назвал его «великим». Я всегда с благоговением относился к деятельности этого замечательного историка, но думаю, что эпитет «великий» трудно приложим к человеку, который ничего не создав, только разрушал, и который как кровожадный бессмысленный зверь рыскал по земле, жег, избивал, грабил и, в конце концов, построил себе башню из 70000 отрубленных голов!

Даже свою дикую монгольскую культуру и ту Тамерлан не старался привить побежденным. Он только убивал и разрушал!..

И жаль, что немецкий историк-сатирик Иоганес Шерр не взял для одной из своих исторических монографий такого субъекта, как Тамерлан!

Для русской «государственности» думаю, что мавзолей над могилой Тамерлана опасности не представляет, но если его сегодня поглотила бы земля, стало бы легче и не так стыдно за человека. Для человека современного развития

и с умением разбираться трезво и просто в делах прошедшего Тамерлан является, конечно, ничем иным, как хулиганом огромных размеров, одаренным, к несчастью, властью: так сказать, хулиган-чемпион. И никакие ореолы древней поэзии его на другое место не поставят.

Туземцы в Самарканде шепотом говорят о том, что несколько лет тому назад какой-то англичанин, осматривавший мавзолей Тамерлана — плюнул на великолепный нефрит и спасся лишь чудом от смерти и от ножей мулл.

Привет вам, сэр!

Very nice!

IX.

Коканд, Скобелев и Андижан.

В Коканде, вы уже находитесь в Ферганской Области.

После виденных мною до сих пор городов края, Коканд производит впечатление настоящего «города».

Широкие, шоссированные улицы, прекрасные, иногда прямо шикарные дома, развитая уличная жизнь — дает иллюзию большого центра.

И ведь на самом деле: в Коканде 85.000 жителей в обеих (европейской и азиатской) частях города. Масса правительственных учреждений, бесчисленное количество отделений частных банков, имеются представители почти всех крупных московских торговых фирм и есть превосходные гостиницы.

Коканд — хлопковая столица Туркестана и главный его рынок, на который в июле месяце съезжаются для закупки этого продукта и где совершаются миллионные сделки.

И, как в Баку только говорят о нефти, в Петербурге только о производствах, в Туле только о пряниках, так и в Коканде — все вертится около хлопка.

Местные воротилы по хлопковым операциям, большею частью, евреи и армяне, а комиссионеры состоят уже исключительно из представителей только этих двух наций.

Они (как пажы и правоведы в Петербурге) попадают везде на улицах, в ресторанах, в клубах и т. д.

Но я попал в Коканд в январе, в то время, когда почтенная корпорация кокандских комиссионеров имеет вид сонных мух. К хлопковому сезону, они, конечно, оживляются, и тогда Коканд представляет собой большую мухоловку.

Туземная часть города не очень стара (всего 200 лет), но имеет огромный и богатый азиатский базар чисто восточного характера, где и торговцы и покупатели все сарты.

Город был основан в 1732 году Абду-Раим-бием на болоте, где водилось множество диких кабанов. Это обстоятельство причиняло и причиняет и теперь много горя для самолюбивых местных аборигенов, ибо слово *кок* по-местному означает свинью и название Коканд — город свиней. Туземцы относят это название не столько к диким кабанам, как к мирным еврейским и армянским комиссионерам...

Коканд. Приемка хлопка

Я немало погулял по восточному базару Коканда, на котором найдется масса древних и современных произведений Востока. Персидские ковры, старинное оружие, индийские шали, жемчуга и бирюза, редкие ткани, китайский фарфор — все это вы здесь увидите.

Но я проклял восточный способ торговли, отнимающий массу времени и который, обязательно, идет по заведенному этикету.

Я думаю, что русский способ совершать коммерческие сделки в трактирах несомненно восточного (татарского) происхождения.

Англичанин с его «время деньги» возбудил бы здесь смех, зато русская поговорка—«дело не волк, в лес не убежит» у всех Ахметов, Сеидов, Абдулов нашла бы полное сочувствие.

Вот, например, как покупается какая-нибудь вещь здесь на базаре:

В одной из лавок увидел я прекрасный ятаган, лежавший на прилавке между всяким хламом.

Хозяин лавки, старик-сарт, сидел на ковре и в полудремоте похлебывал из пиалы зеленый чай, изредка затыгиваясь из стоявшего перед ним неизменного кальяна.

Зная восточный обычай, я, войдя в лавку, первым делом поклонился ему, он же, плохим русским языком, дал мне понять, что безумно счастлив видеть такого великолепного господина, как я. Где-нибудь у нас я просто спросил бы о цене ятагана, но такая наивная прямолинейность здесь не принята, да и не выгодна, поэтому я похвалил ковры, лежавшие тоже на прилавке. (Ковры, между прочим, были плохие и меня несколько не интересовали).

Сарт тогда сейчас же, с большим участием, начал спрашиваться о моем здоровье и о здоровье моих родных и пригласил меня выпить чашку чая и покурить.

Я сел с ним рядом на ковре и выразил свою радость, узнав, что он и вся его семья живут вполне благополучно. Немного погодя, я (как это полагается), *между прочим* и *незначай* спросил про ятаган. Тут сарт немного оживился и полусшепотом сообщил мне, что ятаган этот составляет его гордость и, в то же время, семейную святыню, и что «этим ятаганом сам Худояр-Хан кромсал своих врагов». Тогда я выразил сожаление, что ятаган не продается, но сарт поспешил меня успокоить:

«Я и моя семья никогда не думали, что нам будет возможно расстаться с такой вещью, но на все воля Аллаха, и для такого знатного и богатого чужестранца, как я, он готов пожертвовать не только ятаганом, но и всем, что ему дорого!»

Я горячо поблагодарил благородного старика за его самопожертвование и робко осведомился о цене ятагана.

Старик, вздохнув, назвал мне такую цифру, что я, кажется, закачался и если бы не ухватился за стоящий рядом столик, пожалуй, упал бы на спину. Он потребовал — 300 рублей... Придя в себя, я ответил, что ятаган, по моему мнению, стоит гораздо больше, но перед ним сидит бедняк, обладающий суммой всего в 15 руб.

Коканд. Торговцы гончарными изделиями

На этой сумме мы и сошлись.

Мои кокандские приятели, которым я показывал этот ятаган, сказали мне, что я переплатил...

Говорят, что в этом роде совершаются в Коканде и хлопковые сделки.

Так как ни один город Туркестана не обходится без своей местной болезни, то и Коканд не составляет исключения. Почти 25 % жителей болеет зобом.

В «городе свиней» я пробыл всего 4 суток и выехал дальше в Скобелев, иначе говоря, Новый Маргелан.

Скобелев находится очень далеко от вокзала (4 версты), и после изрядной тряски по ужасной дороге, я очутил-

ся в гостинице «Боярский двор». Гостиница скверная, но зато очень дорогая. Обедать можно только в известное время, и при этом — скверно. Приезжающих стригут, как баранов. С меня взяли отдельно за постельное одеяло по 50 копеек в сутки...

Скобелев чисто русский город, и туземцев там почти что не видать. Разве только на местном рынке, где сарты торгуют мясом и зеленью.

В городе сосредоточены все областные правительственные учреждения.

Скобелев. Губернаторская ул.

Жителей около 20.000 человек. Из них половина страдает местной болезнью, болотной лихорадкой.

Улицы очень широкие, но плохо или совсем не мощеные, и в дождливую погоду непролазная грязь заставляет граждан и гражданок сидеть дома.

При этом извозчиков очень мало и, чувствуя себя господами положения, они горды как испанские гранды и ру-

гаются так, что можно подумать, что они все принадлежат к «крайним правым»...

Дома — все одноэтажные и удивительно скучной, однообразной постройки. Только дом губернатора и Военное собрание в два этажа, причем при доме губернатора есть большой и прекрасный сад.

Вообще, в Скобелеве масса зелени и воды. А последнее — редкость для туркестанского города.

Чудесный парк занимает большое пространство по самой середине города; да и при каждом доме в Скобелеве имеется сад и купальня.

Военное собрание имеет очень хорошую зрительную залу со сценой, и в нем можно недурно и недорого обедать и ужинать.

Но нет розы без шипов!

Шипы Военного собрания изображают гг. распорядители из военных.

Они крайне заносчивы и смотрят на бедных штатских, как на существа низшей породы.

Несмотря на то, что я попал в Скобелев как раз на масленицу, редко где я испытывал такую скуку, как там.

Насколько Коканд кипит жизнью, настолько Скобелев похож на огромное кладбище, причем похоронные обряды совершаются в Военном собрании, в штаб-квартире скуки и уныния.

И я был рад, когда испанский гранд, переодетый извозчиком, повез меня, спустя пять дней, на вокзал и я очутился в вагоне по дороге в Андижан.

Андижан, по своему официальному положению, является лишь уездным городом Ферганской области, но жизни в нем куда больше, чем в Скобелеве, да и по количеству населения (50.000) он превышает его.

Это, конечно, происходит от того, что Андижан является центром земледельческого района с могучими полосами леса и, кроме того, в его уезде находятся лучшие хлопковые плантации края.

И здесь совершаются громадные сделки по закупке хлопка.

Азиатская часть города никакого значения не имеет. Туземцы почти все живут рядом и вместе с русскими.

Как достопримечательность, стоит осмотреть братскую могилу и мавзолей над павшими воинами во время туземного восстания 1897 года.

Но главная, настоящая достопримечательность Андижана — это его невероятная, чисто легендарная грязь.

Вы не подумайте!

Это не лечебная какая-нибудь грязь, а, наоборот, грязь, от которой люди мрут, как мухи.

Улица в Андижане

Уже с вокзала начинается она, жидкая, желтая, в аршин глубины. Весь город тонет в ней и о хождении пешком не может быть и речи. Были случаи, когда лошади тонули буквально вместе со своими седоками...

И надо думать, что конюшни Авгия, сравнительно с андижанскими улицами, представляли собой по чистоте операционные залы берлинской клиники!

И живут же люди в таких клоаках!

Немудрено, что администрация стыдливо запрещает иностранцам въезд в города Туркестана...

Пожалуй, что и неловко...

Гостиницы в Андижане такие же грязные и неустроенные, как и улицы. Но цены за комнаты берут такие, как будто грязь в них привезена из одесского лимана и, если бы в Андижане не существовало клуба, то путешественник умер бы с голоду.

Каким-то секретным, вероятно, только им одним известным способом, андижанцы ухитряются вечером по своей грязи доплыть до клуба, где веселье стоит столбом. Там ужинают, танцуют и т.д., причем есть оркестрик и кое-какие кафешантанные номера.

После того, как я в один из вечеров отдал дань легкой музе кафешантана, зайдя на следующий день туда пообедать, я был несказанно удивлен, попав в грозное царство Фемиды.

В помещении, где накануне вечером проделывались самые легкомысленные вещи, заседала выездная сессия Окружного суда из Скобелева и суровый товарищ прокурора настаивал на обвинении там, где вчера все и все признаны были заслуживающим бесконечного снисхождения.

Почти все дома в Андижане деревянные и в один этаж, что очень рационально, ибо землетрясения здесь очень часты и наступают всегда так внезапно, что, благодаря лишь подобному типу постройки, жителям есть быстрая возможность спастись.

Да легкие толчки почти ежедневное явление в Андижане, к которому все привыкли. Два раза ночью и я сам просыпался таким образом. Мне показалось, что кто-то, поднимаясь, приподнимает мой матрас и я даже посмотрел под кровать, думая найти под нею вора.

А это был просто подземный толчок, но я сразу вошел в положение андижанца, ибо сейчас же заснул опять.

Но, разумеется, Андижан живет под постоянным страхом повторения катастрофы, которая случилась сравнительно не так давно, когда половина города и масса жителей погибли от землетрясения.

Этим, я думаю, и надо объяснить особенную религиозность туземных сартов.

Как раз с тем же поездом, на котором я ехал в Андижан, возвращалось из Мекки несколько странников (хаджи), побывавших там на поклонении у гроба Пророка. Буквально весь туземный Андижан был на ногах и высыпал на вокзал, чтобы получить первое благословение от хаджи, помолившегося у священной Каабы.

Это было, буквально, целое море халатов и чалм всевозможных цветов и форм, и все эти люди, прямо на ходу поезда, брали его приступом, рискуя попасть под его колеса, лишь бы получить первыми чудесное благословение.

Гейне как-то сказал: «есть всего только один умный немец, и то это не немец, а еврей».

И можно сказать:

Одна действительно прекрасная вещь есть в Андижане, и то это не в самом Андижане, а около него.

Это Джелабад!

Джелабадские источники лежат в Кугартских горах.

Некоторые из них горячие, некоторые холодные, но все они обладают большой лечебной силой.

Они отличаются большим содержанием органических веществ, а горячие воды имеют до 40° Ц. при явственном запахе сероводорода.

Устройство эти богатые источники имеют такое же, как и все природные богатства Туркестана, т. е. никакого...

Немало своей лепты внес русский для благоустройства Биарицца, Киссингена и Карлсбада. И будет с нас!

Вот, между прочим, какую легенду рассказывают туземцы о возникновении этих источников:

Благочестивый Аюб (Иов) подвергся раз искушению. Сперва Господь отобрал от него все имущество, а затем ужасная болезнь покрыла все его тело язвами, в которых кишели черви. И понял Аюб, что гнев Божий карает его за гордость и смирился он духом и горячо помолился Всевышнему. Сорок лет мучился несчастный и сказал ему, наконец, Аллах: — «Ты безропотно перенес искушение! Настал конец твоим мукам! Ударь правой ногой о камень!»

И не успел Аюб исполнить приказание Аллаха, как на том самом месте, где ударил он ногою, забил из земли ключ горячей воды и, искупавшись в этой воде, Аюб получил исцеление. И велел ему Аллах ударить в землю левой ногой и из этого места забил ключ холодной воды. Напился ее Аюб, и совершенно выздоровел...

Такова легенда!

Не нужно быть злым человеком, чтобы пожелать, чтобы кто-нибудь из лиц высшей туркестанской администрации заболел наподобие Иова.

Быть может, тогда что-нибудь и было бы сделано для благоустройства Желабадских источников...

Х.

Ташкент и Оренбургская дорога.

Заключение.

Ташкент!

Лишь только по приезде выйдете вы из вагона на платформу, как сразу почувствуете, что попали в большой город.

Прекрасный, огромный вокзал полон движения!

От самого вокзала гремит трамвай и снует по всем направлениям.

Дальше вы увидите прекрасные улицы с оживленной толпой, с великолепными магазинами и, наконец, очутившись в гостинице «Россия», вы сразу убедитесь, что после азиатского Туркестана, находитесь в убежище европейской техники и комфорта.

Умывшись и прекрасно пообедав, я, не теряя времени, пошел осматривать Ташкент. (Говорю пока о русской части города.)

И, повторяю, сразу он делает прекрасное впечатление.

Да, в конце концов, Ташкент, все-таки, столица всего Туркестана с населением в 160.000 душ (русского элемента всего 30.000).

Климат чудесный.

Во время моего там пребывания (конец февраля) стояла полная, цветущая весна.

В Ташкенте находятся все главные учреждения, гражданские и военные, по управлению Туркестанского края и 50% русского населения состоят из чиновников и военных.

В городе издается три газеты, имеется театр, Военное и Гражданское общественное собрание. На улицах гудят автомобили и встречаются (тоже признак большого города) «жертвы общественного темперамента», чем, кажется, ташкентцы немало гордятся...

Одним словом, прогресс и цивилизация!..

При этом, растительность прямо роскошная, и в городских общественных садах (их есть несколько), под чудным южным небом, гулять—одно наслаждение.

И если бы не встречались постоянно сарты и киргизы, верблюды, ослики и другие атрибуты Востока, вы легко могли бы вообразить себя в европейском городе средней руки.

Таково первоначальное впечатление от Ташкента.

Но прожив в городе, как я, неделю, вы, к собственному удивлению, убедитесь, что находитесь в глухой провинции!

Прежде всего, на улицах, в ресторанах, в театре, в клубе — вы встретите все одних и тех же лиц и к тому же сроку вы будете лично знакомы чуть ли не со всем ташкентским «обществом».

Это происходит, конечно, от того, что «общество» в городе, собственно, очень не велико.

Ведь из 30.000 русских половина приходится на нижних воинских чинов и на низших служащих в разных общественных и частных учреждениях.

А прожив еще неделю, вы, наверное, узнаете всю подноготную из жизни «наших ташкентцев».

И первоначальное впечатление исчезает, как *Fata morgana*!

Любимое развлечение ташкентцев по праздникам состоит в поездках (пикники) в сады окрестных аулов и кишлаки сартов. Эти поездки носят особое название «ехать на рыбалку», и ташкентцы добросовестно сидят на берегу арыка и ловят рыбу, которой в арыке совсем не водится.

Когда я спросил одного такого спортсмена:

«Неужели вы когда-либо что-нибудь поймали в арыке?», он мне ответил:

«Как вам сказать, лихорадку я несколько раз ловил, а что касается рыбы, то я ведь не для рыбы сижу с удочкой, а для удовольствия».

Понятно, не все удовольствия горожан носят такой идиллический характер.

В Ташкенте есть несколько кафе-шантанов, и я побывал в первоклассном из них, в «Кало».

Это было нечто ужасное, и я не могу себе вообразить, каковы же должны быть там второклассные кафе-шантаны.

Есть еще драматическое общество, и при мне в Собрании состоялся вечер в память так трагически умершей в Ташкенте В. Ф. Комиссаржевской. Играли любители и очень недурно.

Другим развлечением для обывателей служит постоянная полемика между местными газетами.

Ругаются мастерски и иногда прибегают и не к совсем «парламентским» приемам.

Например:

«Туркестанские ведомости» редактирует некий г-н Левин.

В один прекрасный день, в редакции его газеты получила телеграмма (это было при мне) из какого-то туркестанского города, что в Ташкент скоро прибудет знаменитый итальянский певец «Нивель Каруд». И только после того, как известие это было напечатано, поняли мистификацию, ибо, если читать «Нивель Каруд» с конца, то получается нечто, для г-на Левина не совсем лестное.

Телеграмма была, конечно, отправлена по инициативе другой редакции, но ташкентцы получили удовольствие, и все, кроме г-на Левина, были довольны... Нехорошо, господа!

Бичом Ташкента являются лютые жары. Они доходят до фантастических размеров и занятия летом, по этой причине, в государственных и частных учреждениях производятся только от восьми часов утра до часа дня, после чего даже улицы пустеют.

Извозчиков в городе очень небольшое количество и они дороги, и если вы, отправляясь в театр, заранее не позаботитесь о нем, то рискуете возвращаться домой *pedes apostolorum*.

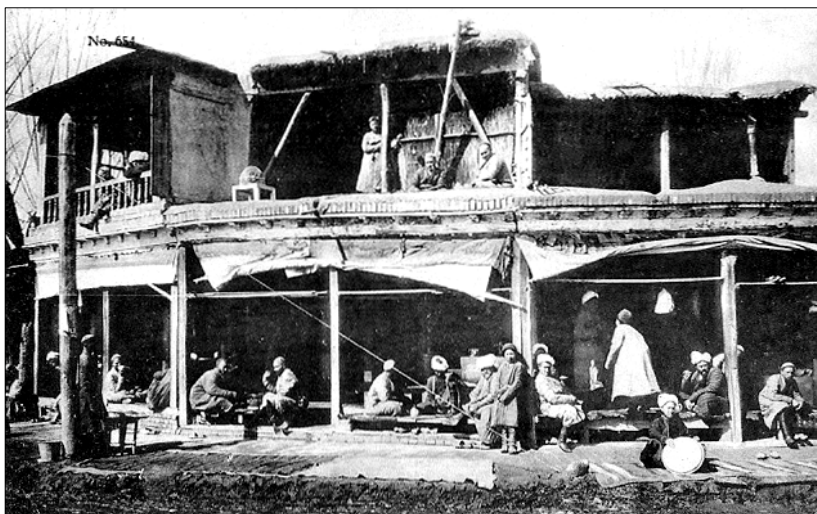
Несравненно более интересен туземный, так сказать, настоящий Ташкент. Город очень старый, и в нем есть, например, медресе Барак-Хан, выстроенное 600 лет назад кокандским ханом Бараком.

В мечети Хазрет-Имам погребен основатель ислама в Туркестане Абукерка, умерший в 926 году нашей эры. Вообще, здесь множество памятников древности — один интереснее другого.

Но, оставя в покое мертвых и обращая наши взоры на живых, приходится сказать, что самое интересное в Ташкенте, это его базар.

По величине и по торговому своему значению он занимает первое место среди всех базаров Туркестана.

В нем сосредоточены все новые и старые произведения Востока, и улицы его бывают так всегда переполнены народом, что нельзя ни пройти, ни проехать.

Чайхана в Ташкенте

Во время мусульманского поста (ураса) эти улицы имеют особенный вид. Население, воздерживаясь в течение всего дня от пищи, с наступлением вечера наполняет все чайные и харчевни (чай-ханэ и аш-ханэ), и веселье идет до самого утра.

Это называется «Тамаша».

Сарты очень любят музыку, и у них есть свои оркестры из туземных инструментов.

Таких оригинальных инструментов я нигде не встречал, но самая «музыка» до того «азиатская», что даже мне, по этой части выдавшему виды, было как-то не по себе.

Хотя она напомнила мне, по своему мелодическому рисунку и по своей гармонизации, некоторые музыкальные произведения наших передовых композиторов-декадентов.

Сарты в торговом мире Туркестана пользуются дурной славой, и мне говорили, что в борьбе с «неплатежами» сарты всегда остаются победителями. Сарт просто отказывается от своей подписи и, таким образом, получает право — не платить. «Победителя не судят», или очень редко.

Великий князь, живущий в Ташкенте, пользуется большой любовью и популярностью среди ташкентцев. Его семья часто посещает театр Общественного собрания, где имеется специальная великокняжеская ложа.

В этом собрании я читал свой доклад о сибирской торговле и сибирских бродягах, вообще, о своем путешествии по Сибири в 1908 году, причем было продемонстрировано несколько номеров из записанных мною песен каторжан...

Зал был переполнен, и присутствовавший на вечере генерал-губернатор Самсонов выразил мне свое удовольствие несколькими любезными словами.

Не без сожаления расстался я с Ташкентом, откуда отправился прямо в Оренбург.

Лютому врагу не пожелаю испытать то, что испытывает человек, отправившийся по оренбургской ж. д. из Ташкента.

Я не попал на поезд (скорый) прямого сообщения Москва-Андижан, а поехал па почтовом.

Войдя в вагон II класса, я, по неопытности своей, сначала было обрадовался, ибо вагон был почти пуст и я почувствовал себя великолепно, располагая таким простором и занимая один целое купе. Я даже не обратил внимания на удивленные взгляды кондукторов, в глазах которых даже светилось как будто участие и какое-то сожаление. Но скоро я понял, что сделался жертвой своей неопытности, и

что суровые кондуктора иной раз обладают сердцем, способным сочувствовать горю ближнего.

Начиная с того, что, благодаря размыву пути, я из Ташкента в Оренбург тащился трое суток и приехал туда голодный и холодный.

На всем огромном протяжении дороги не имеется ни одной станции, где можно было бы, хоть сносно, что-нибудь поесть, и когда я, рассвирепев от голода, на одной из остановок высказал мое негодование, буфетчик мне ответил:

— Для кого же прикажете держать провизию? Хорошие господа едут со скорым поездом.

Он, наконец, подал мне бифштекс (кажется, из конины) такой твердости, что я жевал его чуть ли не вплоть до Оренбурга.

Но что же делать?

«Я дал ему золото и проклял его!»

Со станции «Аральское море» мы вступили в область русской зимы, а близ Оренбурга долго стояли, благодаря снежным заносам.

А вагоны почти не топили...

И в Оренбург я приехал в состоянии недавно открытого профессором Бахметьевым анабиоза, т. е. на грани между жизнью и смертью, благодаря искусственному замораживанию меня Управлением Оренбургской ж. д.

И только в Оренбурге я постепенно оттаял, откормился.

Оттуда, в Москву, я вернулся через Бузулук-Сызрань.

Итак, побывав в Туркестане и проведя там почти четыре месяца я, резюмируя свои впечатления, позволю себе сказать следующее:

Огромные природные богатства края, трудолюбие и способности туземцев могли бы создать из страны земной рай.

Но ирригация, без которой край гибнет, возможна только при помощи энергичных людей и при больших капиталах.

Но до сих пор, таких русских предпринимателей не находилось, а иностранцам с иностранными капиталами доступ в Туркестан закрыт.

И выходит: ни себе, ни людям!

А жаль! Я не алхимик, но скажу по секрету — Туркестану нужна вода, а людям нужно золото.

Несите ваше золото в Туркестан и превратите его в воду, и из этой воды вы опять добудете золото, да еще сто-рицей.

Примечания

С. 8. ...*Камбиза* – Имеется в виду персидский царь Камбис II из династии Ахеменидов, правивший в 530- 522 гг. до н. э., жестокий завоеватель.

С. 9. ...«*Черный город*» – восточные районы Баку, где в конце XIX-нач. XX в. Была сосредоточена нефтяная промышленность.

С. 9. ...*Эй-Бибат* – Точнее, Биби-Эйбат, нефтяное месторождение близ одноименного села на Апшеронском полуострове.

С. 10. ...*историю г. Тагиева* – В 1911 г. азербайджанский миллионер и меценат Г. З. Тагиев (1823-1923), его управляющий и племянник были признаны виновными в истязании служащего Тагиева, которого миллионер заподозрил в любовной связи со своей женой. Они были приговорены к тюремному заключению, однако внесли залог за нахождение на свободе и подали апелляцию. В январе-феврале 1913 г., т.е. как раз во время путешествия автора, суд в Тифлисе вынес обвиняемым крайне мягкий приговор, за которым последовала амнистия в связи с 300-летием дома Романовых.

С. 11. ...*Магомед-Али* – Мохамед Али-шах (1872-1925), шахиншах Персии, вступил на престол в январе 1907 г. и потерял власть летом 1909 г. в результате восстания; скрылся в российской миссии, затем жил в изгнании в России, позднее в Турции и Италии.

С. 11. *Sic transit... gloria mundi* – Так проходит мирская слава (лат.).

С. 13. ...*Красноводск* – ныне г. Туркменбаши в Туркменистане.

С. 17. ...*отряда Столетова* – Н. Г. Столетов (1831-1912) – русский военачальник, генерал от инфантерии (1898); в 1869 г. возглавил отряд, который основал на восточном берегу Каспия укрепленный форт, положивший начало Красноводску.

С. 21. ...*вагон-ли* – спальный вагон, от фр. wagon-lit.

С. 22. ...города Верного – т.е. будущей Алма-Аты (Алматы).

С. 22. ...*Геок-Тепе* – Текинское укрепление Геок-Тепе было взято войсками ген. М. Д. Скобелева (1843-1882) после длительной осады (ноябрь 1880-январь 1881); войска Скобелева преследовали туркменских беглецов в пустыне и устроили кровавую резню в крепости, где помимо текинских солдат находились тысячи гражданских лиц. Общее число погибших туркмен оценивается в 14.500 человек, потери русских войск – 398 убитых.

С. 22. ...*Курупаткина* – Будущий генерал и военный министр А. Н. Куропаткин (1848-1925) во время взятия Геок-Тепе командовал главной штурмовой колонной.

С. 27. ...*raison d'etre* – Здесь: право на существование (*фр.*).

С. 28. ...*бабистов* – Речь идет о последователях Баба (Сейида Али Мухаммада Ширази, 1819/20-1850), основавшего в первой половине XIX в. магометанскую секту в Персии; преследовались властями и позднее влились в ряды бахаев.

С. 30. ...*пендинной язве* – Современное название – пендинская язва или болезнь Боровского.

С. 33. ...*jalousie de metier* – профессиональная зависть (*фр.*).

С. 33. ...*В 1849 году* – Ошибка автора: Баб был расстрелян в Тебризе 9 июля 1850 года.

С. 37. ...*tout comme chez nous* – Здесь: совсем как наши (*фр.*).

С. 38. ...*je prend mon bien, ou je le trouve* – найду свое или возьму (*фр.*).

С. 46. ...*Английских набережных* – Набережные под этим названием с дорогами особняками имеются в Ницце и Санкт-Петербурге.

С. 51. ...*тесситура* – высотное положение звуков в музыкальном произведении по их отношению к диапазону певческого голоса, от *ит. tessitura* – ткань.

С. 51. ...микстом – Микст – искусственный регистр голоса, смешение натуральных грудного и головного регистров.

С. 60. ...*Ипокрена* – в древнегреческой мифологии волшебный источник на горе Геликон в том месте, где Пегас ударил о землю копытом; испивший из этого источника получал дар говорить стихами.

С. 60. ...«хапен зи гевезен» – ухватить жирный кусок (от нем. Наррен), в переносном смысле взятка, казнокрадство.

С. 61. «Правая, левая где сторона?» – Цит. из стихотворения В. И. Сиротина (1830-1885?) «Улица».

С. 64. ...*Зороастра-Вендидат* – Имеется в виду один из священных текстов зороастрийцев, Видэвдад (Вендидад), часть Авесты. Этот текст состоит из 22 глав и посвящен главным образом законам чистоты и борьбы с осквернениями.

С. 64. ...*Квинт Курций* – Квинт Курций Руф, римский историк (вероятно, I в. н. э.), автор «Истории Александра Великого Македонского».

С. 67. *При чем тут Коган...* – Действительно не при чем: станция называлась Каган (Когон) по названию окружающей местности.

С. 75. ...«майно-джоу» – Речь идет об обыкновенной майне или саранчовом скворце (*Acridotheres tristis*); эти птицы воспроизводят человеческую речь не хуже попугаев.

С. 76. ...*бухарские кошки* – Несохранившаяся порода, родственная сибирским кошкам.

С. 87. *Ceterum... delendam* – «Кроме того, я думаю, что Карфаген должен быть разрушен». Знаменитая фраза римского государственного деятеля и полководца Катона Старшего, ставшая крылатым выражением.

С. 93. ...*калиф Осман* – Усман ибн Аффан (574-656), зять Магомета и третий «праведный халиф», при котором была завершена кодификация Корана.

С. 96. ...*Шах-Надиром* – Имеется в виду персидский полководец Надир-шах (1688-1747) шах Ирана в 1736-1747 гг.

С. 96. ...*Аланкува ...луча солнца* – Согласно эпитафии на могиле Тамерлана, его род восходит к эмиру Бузанджиру, чья мать Аланкува «понесла от луча света, который явился к ней в отверстие жилища и, приняв образ человека, объявил, что он потомок повелителя правоверных Али».

С. 97. ...*Т. Н. Грановский* – русский историк-медиевист (1813-1855), профессор Московского университета.

С. 97. ...*Иоганнес Шерр* – Иоганн Шерр (1817-1886) – немецкий историк литературы, публицист, общественный деятель.

С. 98. *Very nice!* – Здесь: очень мило (*англ.*).

С. 101. ...*Худояр-Хан* – Сейид Мохаммад Худайар (1832-1886), правитель Кокандского ханства в 1844-1875 гг.

С. 102. ...*Скобелев* – с 1924 г. город Фергана (Узбекистан).

С. 105. ...*туземного восстания 1897 года* – Заговор зимы 1897 г., вылившийся в мусульманское восстание 17-18 мая 1898 г., жертвами которого стали свыше 20 русских солдат.

С. 110. ...*В. Ф. Комиссаржевской* – Знаменитая русская актриса В. Ф. Комиссаржевская (1864-1910) умерла от оспы во время гастролей в Ташкенте 10 февраля 1910 г.

С. 111. ...*pedes apostolorum* – апостольскими стопами (*лат.*), т. е. пешком.

С. 112. ...*Абукерка* – вероятно, опечатка. Речь идет об ученом и богослове X в. Абубекре Каффале аш-Шаши.

С. 113. ...*великий князь* – Николай Константинович (1850-1918), личность скандальная и неординарная. После хищения бриллиантов из Мраморного дворца (на подарок любовнице) был объявлен безумным и выслан из столицы, в конце концов осел в Ташкенте,

где стал успешным предпринимателем и видным коллекционером живописи, широко занимался ирригацией.

С. 114. ...*Бахметьевым* – Имеется в виду русский физик и биолог П. И. Бахметьев (1860-1913), занимавшийся, в частности, вопросами анабиоза и криобиологии.

Об авторе

Вильгельм Наполеонович Гартевельд (Хартевельд) родился в Стокгольме 5 апреля 1859 г. После окончания Лейпцигской консерватории, обосновался в 1882 г. в России. К 1894 г. им была написана опера «Песнь торжествующей любви (Сон)» на сюжет, заимствованный из повести И. Тургенева; поставленная в 1895 г. в Харькове и частной опере Унковского в Москве, опера не принесла особого успеха композитору. Гартевельд писал также оркестровые сочинения («Испанские танцы»), романсы на слова А. Толстого, Д. Ратгауза, музыку для московского театра-кабаре «Летучая мышь» и др. произведения, выступал в газетах с критическими статьями.

Однако наибольшую известность получил он как путешественник и собиратель музыкального фольклора. Гартевельд несколько раз побывал в Сибири и в 1908 г. отправился в длительную поездку по «Великому Сибирскому Пути», поставив себе целью собрать песни каторжан и бродяг, а также коренного населения Сибири.

Вернувшись из путешествия, Гартевельд издал множество нотных записей каторжных песен в своей обработке: «Песни каторги: Песни сибирских бродяг и каторжников» (СПб., 1908), «8 песен сибирских каторжан, бродяг и инородцев...» (СПб., 1908), «25 песен сибирских каторжан, бродяг и инородцев...» (СПб., 1909), «14 песен сибирских каторжан, бродяг и инородцев, собранных на месте в Сибири в 1908 г. В. Н. Гартевельдом» (СПб., 1910). Помимо объединенных в эти серии выпусков, отдельные нотные записи выходили в Москве, Киеве и Санкт-Петербурге.

В 1909 г. 12 каторжных песен в обработке Гартевельда были записаны на граммофонные пластинки и выпущены с пояснительной брошюрой.

18 февраля 1909 г. Гартевельд выступил с докладом о своем путешествии на заседании Музыкально-этнографической комиссии Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете.

«По открытому листу премьер-министра докладчик посетил тюрьмы: Тобольска, Нерчинска, Томска, Акагуя, Николаевска, Кургана и Петропавловска. Собранные им песни разделяются на каторжные, бродячие и заводские. Кроме этих г. Гартевельд записал и несколько инородческих песен: айнов (1), вогулов (2), самоедов (2),

бурятских (2), киргизских (1) и якутских (1). Всего записано им более 60-и песен, как для одного голоса, так и с аккомпанементом народных инструментов, а также и хоровых. Г. Гартевельд доклад свой иллюстрировал исполнением на фортепиано. Многие из записанных песен оказываются весьма интересными в музыкальном отношении» – сообщалось в «Известиях» общества.

В том же году Гартевельд при содействии известного дирижера А. Эйхенвальда организовал ансамбль для исполнения каторжных песен и отправился в турне по России. Концерты, которые именовались «Песни каторги и воли» и предварялись лекцией Гартевельда, пользовались феноменальной популярностью; экзотический, овеянный духом человеческих страданий и политической фронды музыкальный материал привлекал слушателей из самых различных слоев общества.

«На тех же подмостках, где несколько часов назад цинично и тупо кривлялся на потеху “почтенной публике” пошлый фарс, стоит В. Н. Гартевельд, одухотворенный необычными для культурного европейца переживаниями “мира отверженных”, и с трогательной для русского интеллигента наивностью делится с внимательной аудиторией своими впечатлениями: “Я буду счастлив, если вы увидите по этим песням, что люди, сочинившие их, такие же люди, как и вы”. Театр полон. Властно и мрачно вторгается “отверженный мир” в царство своего “нарядного, сытого и свободного” собрата: “Я всем чужой! Я оплачу!”... Пусть вместо свирелей – фисгармония, вместо стука киров – пианино, вместо каторжан и бродяг – хор московской оперы и солисты, но их голосами поет сама каторга!.. Чуткие музыканты В. Н. Гартевельд и А. А. Эйхенвальд оставили ее песни во всей их мрачной жизненной неприкосновенности. Сохранен даже каторжный аккомпанемент в “Кандалном марше”. Этот марш – откровение каторжного мира. Впечатление от марша – незабываемое, исключительное. Впрочем, маршу предшествуют еще 9 каторжных песен, оставляющие сильное впечатление, особенно в “Зачем я мальчик уродился”, в “Похоронах” и в “Ой, ты, тундра” в исполнении г-на Ошустовича (тенор) и известного в Казани г-на Сергеева (сильный и сочный бас). Потом идут хоровые песни: древняя, как мир, “молитва ламаитов” (по-санскритски), “заклинание шаманов” (по-бурятски), киргизская “весенняя песня” и первая в музыкальной литературе песня вымиравших айносов (по-айноски). Кончается необыкновенный концерт польским “Кыбелем” (песня повстанцев-каторжан)» – так описывала «Казанская газета» (10 июля 1909) один из концертов Гартевельда, состоявшийся в Казани 7 июля 1909 г.

«Незабываемое, исключительное» впечатление производили эти концерты и на искупленную московскую публику. «Ужасающая жизненная правдивость, своеобразность, чисто русская поэзия этих песен, несмотря на громадные расстояния, отделяющее место их склада от нас, будирует наши чувства и безумным ураганом врывается в нашу безмятежную жизнь,<...> нарушив покой, силится отомстить за надломленную поруганную душу, напоминая нам о царстве горя и необъятной тоски» – писал музыкант-этнограф А. Маслов («Музыка и жизнь», № 3, 1910).

В глазах властей концерты Гартевельда носили отчетливо оппозиционный характер: каторга после поражения «первой русской революции» 1905-1906 гг. была переполнена «политическими». 2 сентября 1909 г. Департамент полиции издал циркуляр за подписью директора департамента Н. Зуева; в циркуляре, направленном губернаторам и градоначальникам, указывалось, что особенным успехом на концертах Гартевельда пользуется «Кандалый марш» в сопровождении звона кандалов.

«Вследствие сего, – говорилось в документе, – и принимая во внимание, что подобное исполнение означенного марша, внося нежелательное возбуждение в общественную среду, может вместе с тем вызывать сочувствие к преступным элементам, подвергшимся за свою деятельность законному возмездию, имею честь, согласно приказанию Господина Министра внутренних дел, уведомить Ваше превосходительство, что дальнейшее исполнение помянутого “Кандалый марша” на концертах не должно быть допускаемо».

Летом 1910 г. Гартевельд подготовил представление в декорациях и костюмах «Песни каторжан в лицах», которое было анонсировано на эстраде московского сада «Эрмитаж», но спектакль был запрещен за несколько дней до премьеры.

Тем временем у шведско-русского композитора появились подражатели: предприимчивые музыкальные деятели быстро осознали весь потенциал нового жанра «каторжной песни», которому через несколько десятилетий предстояло расцвести в городском фольклоре, а затем в бардовской песне и так называемом «шансоне». На сценах кафе-шантанов стали появляться «квартеты сибирских бродяг», солисты-исполнители каторжных песен и т.п. Дошло до того, что Гартевельд, как сообщала «Петербургская газета» в мае 1909 года, «обратился к московскому градоначальнику с просьбой запретить исполнение этих песен в разных увеселительных садах, наводя, что эти песни “скорби и печали” не к месту в таких заведениях. Просьба Гартевельда градоначальником удовлетворена».

Роль Гартевельда в популяризации и распространении песенного фольклора сибирской каторги переоценить трудно: в отличие от своих предшественников, он впервые записал не только слова, но и мелодии каторжных и тюремных песен; благодаря ему, в музыкальную культуру вошли «Славное море, священный Байкал», «По диким степям Забайкалья» и другие шедевры.

Вместе с тем, нельзя не заметить, что сами тексты песен у Гартевельда порой являются усеченными и «испорченными»; процесс исчезновения песенных текстов из памяти каторги можно проследить, сравнив их с записями С. Максимова и Н. Ядринцева.

В 1911 г. Гартевельд опубликовал в журнале «Русское богатство» ряд очерков о своих сибирских впечатлениях, озаглавленных «В стране возмездия». В 1912 г. вышла книга «Каторга и бродяги Сибири» (второе изд. 1913). Одновременно книгоиздательством В. Антика «Польза» в Москве в знаменитой серии «Универсальная библиотека» был издан сборник «Песни каторги», включивший 57 песен (переиздан нашим издательством в 2012 г.).

Не забыл Гартевельд и о столетней годовщине Отечественной войны, пышно отмечавшейся в 1912 г. В Москве была издана его книжка «1812 год в песнях: Собрание текстов 33 русских и французских песен эпохи нашествия Наполеона I-го на Россию в 1812 г.», а в петербургском музыкальном издательстве Ю. Циммермана вышел монтаж для голоса, хора и фортепиано «1812 год: 35 русских и французских песен, маршей, танцев и пр. эпохи вторжения Наполеона I в Россию в 1812 году».

Тонко чувствующавший спрос аудитории Гартевельд организовал также «Исторические концерты», в которых исполнялись собранные им песни, в залах Благородного собрания Петербурга и Москвы, а затем и в провинции.

В 1913 г. Гартевельд отправился в путешествие по Туркестану, в результате которого его обширная библиография (учитывая записи и собственные сочинения композитора, она начитывает около 200 изданий) пополнилась книгой «Среди сыпучих песков и отрубленных голов: Путевые очерки Туркестана». Продолжал он и публиковать критические статьи в периодике. Стоит упомянуть, что в 1910-е гг. некоторой известностью в артистических кругах Петербурга пользовались сыновья композитора: Георгий, также композитор, написавший десятки романсов на стихи поэтов Серебряного века, и Михаил, автор трех поэтических книг, изданных в 1913-1916 гг.

В 1919 г. В. Н. Гартевельд эмигрировал и после недолгого пребывания в Константинополе, вернулся летом 1920 г. в Швецию. Здесь он выступал с лекциями, концертами, публиковал мемуарные очер-

ки, собранные в книге «Черное и красное: Трагикомические истории из жизни старой и новой России» (1925).

Но не это прославило его имя на родине. В 1920 г. Гартевельд опубликовал в Швеции сразу ставший знаменитым «Марш Карла XII», восстановленный им по записям начала XVIII в., якобы найденным в Полтавском городском архиве. Как было доказано в 1970-е гг., вся история была не более чем... мистификацией: великолепный марш шведского короля был основан на некоем «Марше московского ополчения», который Гартевельд включил в свой юбилейный монтаж 1912 г. Этот последний Гартевельд представил как свою «запись» — но не являлся ли «марш ополченцев» очередной мистификацией изобретательного композитора?

В. Н. Гартевельд умер в Стокгольме 1 октября 1927 г.

Книга публикуется по изданию 1914 г. (М., изд. И. А. Маевского) в новой орфографии, с исправлением очевидных опечаток, а также некоторых устаревших оборотов и особенностей пунктуации. Географические названия и имена собственные в большинстве случаев оставлены без изменений.

Оглавление

Вместо предисловия	8
I. От Москвы до Асхабада	9
II. Асхабад	27
III. В гостях у текинцев	36
IV. Ковры, песни и сказки у текинцев	48
V. Байрам-Али и старый Мерв	57
VI. Бухара	67
VII. Кабала в Бухаре	79
VIII. Самарканд и могила Тамерлана	88
IX. Коканд, Скобелев и Андижан	99
X. Ташкент и Оренбургская дорога. Заключение	109
П р и м е ч а н и я	116
Об авторе	121

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.